Н. Д. КОНДРАТЬЕВ

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ПЕТРОГРАД
«КОЛОС»
1923

КОЛОС

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. Д. КОНДРАТЬЕВ

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ПЕТРОГРАД
«КОЛОС»
1923

Настоящее издание отпечатано в Типографии Первой Петроградской Трудовой Артели Печатников (Моховая, 40) в количестве 3000 экз. Петрооблит № 755.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В эпохи глубоких массовых движений и сильных потрясений устоев общественной жизни интерес и внимание к судьбам отдельной личности падает. В такое время даже крупные люди выбывают из рядов жизни почти незаметно. Мало замеченной прошла и смерть М. И. Туган-Барановского. Между тем выдающаяся личность в действительности всегда представляет глубокий интерес для современников и последующих поколений; смерть выдающегося человека всегда причиняет значительную утрату для общества, в особенности для русского общества, столь бедного культурными силами. Вот почему кажется целесообразным предложить вниманию читателей этот краткий очерк, посвященный М. И. Туган-Барановскому.

Не являясь строгим последователем М. И. и расходясь с ним в очень многих вопро-

сах по существу, автор тем не менее считает себя одним из ближайших учеников его. Поэтому он смотрит на предлагаемый очерк одновремённо и как на свой долг в отношении своего покойного и любимого учителя.

В очерке не имелось в виду дать исчерпывающую характеристику личности и подробное изложение научно-идеологических воззрений М. И. Для этого в нашем распоряжении нет еще достаточных материалов и не пришло время. Еще менее автор стремился дать критический анализ воззрений М. И. Автор ставил своей задачей лишь *самую общую характеристику личности, мировоззрения и общественной деятельности* М. И. Туган-Барановского.

При составлении очерка автор воспользовался весьма ценными указаниями Т. И. Райнова, Н. В. Воленс и П. И. Исиченко, которым и приносит здесь глубокую признательность.

Автор.

Москва, 1-го января 1923 г.

Михаил Иванович Туган-Барановский родился в 1865 г., умер в 1919 г. Он умер, когда ему было всего лишь 54 года. Умер полный сил, жажды жизни и порывов к деятельности. Смерть так преждевременно взяла его от нас, прервав содержательную, интенсивную, можно сказать, блистательную жизнь; и так неожиданно и жестоко: он умер по пути в Париж, между Киевом и Одессой, от припадка грудной жабы.

В лице Михаила Ивановича сошел в могилу выдающийся ученый, блестящий писатель, своеобразный и гуманнейший человек, яркий представитель высших достижений современной духовной культуры, человек, который своей жизнью и работой провел заметную борозду в общественной мысли.

И потому мы не можем не чувствовать и не сознавать, что с его смертью в общественных рядах образовалась глубокая брешь.

Уяснить размер понесенной утраты невозможно без анализа личности, жизни и

деятельности Михаила Ивановича. Но сделать это не легко, как потому, что мы,—его ученики и современники,—не имеем еще для этого достаточной перспективы во времени, так и потому, что анализ конкретной человеческой личности и ее деятельности представляет собой вообще чрезвычайно трудную задачу.

Имея в виду последнюю мысль, представляется необходимым высказать несколько предварительных замечаний о самом методе и задачах такого анализа.

1.

Каждая человеческая личность представляет из себя своеобразное единство. Каждая человеческая личность, впитывая в себя на протяжении своей жизни культурные влияния общественной среды, имеет ту или иную объективную общественную «стоимость». Поскольку же она, претворяя в себе эти влияния и своеобразно комбинируя их, вместе с тем обогащает общество, увеличивает сумму общественных идей и переживаний своим творчеством,—она имеет ту или иную объективиую общественную «ценность». Но очевидно, что чем значительнее человек, чем выше его общественная «стоимость» и в особенности его общественная «ценность», тем более значительную утрату несет общество со смертью

такого человека. Отсюда и проистекает наш интерес к выдающимся людям. Отсюда, в свою очередь, и то своеобразное явление, что различные люди обладают различной степенью социального бессмертия. Умирают миллионы и миллионы в той или иной мере своебразных, общественно-«стоющих и ценных» людей. Но они в глазах общества нивелируются, как бы объединяются в одну сплошную, однородную социальную массу поколений прошлого, в массу, которую мы классифицируем, подводим под категории тех или иных культурно-социальных типов, но в которой мы почти не различаем отдельных людей. Социально выживают лишь единицы, которые, как светлые точки, горят разноцветными и различной силы огнями на горизонтах прошлого, и которых мы подводим под категорию *выдающихся личностей*. Михаил Иванович должен быть отнесен и будет отнесен к числу последних.

Итак, наш *интерес* к категории выдающихся личностей понятен. Но спросим: какое же *содержание* имеет этот интерес, когда мы обращаемся к той или иной из этих личностей? Попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Мы не можем понять, а следовательно не должны и рассматривать, человеческую личность, как бы она ни была велика, вне общественной среды, в которой сложилась и действовала эта личность. Процессы обще-

ственной жизни всегда находят то или иное отражение в переживаниях, идеях и судьбах личности. Эти процессы общественной жизни мы можем, конечно, рассматривать, и наука фактически рассматривает их, *как таковые, как явления массовой, обезличенной общественной жизни.* Но мы можем рассматривать их *и сквозь призму той или иной личности, сквозь призму темперамента этой личности.* И если, рассматривая процессы общественной жизни, *как таковые,* мы постигаем лишь *механику* средних, типизированных социальных величин и явлений, по существу чуждую конкретности и драматизма, то, рассматривая их сквозь призму личности, мы уясняем их *в конкретном воплощении,* под вуалью непосредственных чувств, радостей и разочарований человека; мы можем если не понять, то почувствовать их драматизм.

Живя и действуя десятилетия, в течение этого времени формируясь под влиянием общественной среды и оказывая влияние на эту среду, личность как бы связывает собой отдельные исторические эпохи, иногда очень отдаленные; связывает различные поколения, принимает «меч» от предшественников и передает «его» преемникам. И если, рассматривая общественные процессы и явления, как таковые, мы в состоянии понять формирование и смену средних и типичных культурных напластований и влияний, то, рассматривая их

сквозь призму личности, мы можем уяснить *конкретные формы* и пути такого формирования и смены культурных явлений, конкретные каналы социальных влияний и идейных скрещиваний.

Это с одной стороны. С другой стороны, рассматривая общественные процессы сквозь призму темперамента личности, мы, в силу своеобразия каждой личности и вытекающих отсюда особенностей преломления общественных явлений в личных переживаниях и действиях, *получаем в результате более многогранное и глубокое представление об этих процессах.*

И та и другая отмеченная сторона содержания нашего интереса, с которым мы обращаемся к жизни выдающейся личности, с очевидностью показывает, что, идя таким путем, *мы обогащаем, расширяем и углубляем наше понимание общественных явлений.*

Но это еще не исчерпывает содержания нашего интереса при изучении личности и, как нам кажется, еще не указывает основного элемента этого содержания.

Наряду с указанным необходимо еще иметь в виду, что личность, особенно выдающаяся, есть не только продукт социальной среды, обладает не только, как мы уже говорили, общественной «стоимостью», но и «ценностью», не только впитывает общественные влияния, но и обогащает сумму общественных идей. Вместе с тем она пре-

творяет в *определенное единство* всю эту сумму идей, умонастроений и действий, носителем которых она является. В силу этого-то она и стоит перед нами всегда, как некоторое *своеобразное культурное единство* составляющих ее элементов, как некоторое своеобразное, самостоятельное социально-психическое явление. И потому знать ее, *как таковую и саму* по себе, представляет также бесспорное и высокое значение.

Итак, содержание нашего интереса при изучении личности сводится не только к уяснению общественных явлений с особых и новых сторон, но и к уяснению и распознанию данной личности, как таковой, как социально-психического и культурного единства.

Сказанным в значительной мере уже определяется и метод изучения любой выдающейся личности. Очевидно, что как бы ни был велик человек, для понимания его и его деятельности необходимо знать прежде всего окружавшую его и влиявшую на него социальную среду, понимая под ней с одной стороны сумму общественных идей, с другой — объективную практику общественной жизни. Причем, речь идет не только о среде, окружавшей его непосредственно в течение жизни, но и о среде, которая влияла на него опосредствованно, о культуре, идеях и умонастроениях, которые ему не современны,

которые в непосредственном смысле для общества его времени уже пережиты и погребены, но которые так или иначе оказались живыми для данной личности и оказали воздействие на нее. Затем, необходимо знать особенности и характер самой этой личности. Лишь обладая той и другой совокупностью знаний, хотя бы и не излагая и не формулируя их, по тем или иным причинам, подробно, можно анализировать проявления деятельности и творчество личности, т. е. то, что характеризует личность и как социально-психическое единство, и как определенную силу общественной жизни.

Однако, этим не характеризуется еще весь метод. Необходимо отметигь еще следующее существенное положение: Говоря о личности того или иного человека, мы обычно рассматриваем его или как ученого, или как общественного деятеля, или как педагога, и т. д. Таким образом, единая личность искуственно и в абстракции как бы рассекаетсся на составляющие ее элементы. Но в действительной жизни эти элементы по существу нераздельны и неразрывны. Поэтому, признавая такой метод абстригирования отдельных форм проявления личности научно-необходимым, мы в то же время для действительного и правильного понимания личности должны стремиться найти также и синтез этих отдельных форм проявления личности, объеди-

няющий их. И нам кажется, что синтез этот легче всего найти, исходя из особенностей личного характера человека. Всматриваясь в жизнь и характер личности, можно заметить, что в ней всегда есть та или другая основная черта, основная интуиция личности на мир, которая и определяет ее отношение к различным формам деятельности, которая единственно и делает возможной именно эту, а не другую совокупность форм деятельности для человека.

Приведенные выше замечания мы попытаемся приложить к рассмотрению жизни и творчества Михаила Ивановича. Однако, планомерное и подробное проведение изложенной точки зрения потребовало бы целого исследования, которого мы не имеем в виду и не можем произвести здесь [1]). Поэтому ниже мы намерены наметить лишь основные вехи и черты изложенного плана. Мы имеем в виду кратко остановиться прежде всего на характеристике личности М. И. Далее, самыми беглыми чертами мы попытаемся описать влияние на него общественной среды. И затем остановиться на нем, как на ученом, идеологе и общественном деятеле.

---

[1]) В частности, мы, к сожалению, не имеем и не могли получить достаточно достоверных и полных данных из его биографии в ранние годы.

2.

Выше, говоря о личности, мы назвали ее культурно-психическим единством составляющих ее элементов.

Отдельные личности в конкретной полноте и композиции образующих их элементов бесконечно разнообразны. Однако, рассматривая их с типологической точки зрения, их можно было бы прежде всего подразделить на два основные типа.

Естествознание, говоря о системе элементов, различает системы с более и с менее устойчивым равновесием этих элементов. Точно так же, говоря о личности, как о культурно-психическом единстве элементов, можно различать тип людей, у которых система элементов их личности находится в относительно-устойчивом гармоническом равновесии, и рядом с этим другой тип людей, у которых такого устойчивого равновесия системы элементов нет. Трудно сказать, где кончается первый тип и начинается второй. Существуют, несомненно, смешанные типы. Но в своих ярких проявлениях тот и другой тип людей глубоко отличны.

Первый тип будет характеризоваться объективизмом, относительным спокойствием, второй—субъективизмом и подвижностью в жизни и действиях. Первый тип будет склонен относительно больше считаться с

объективной окружающей средой и более или менее пассивно поддаваться ее воздействиям, второй будет склонен более считаться со своими субъективными построениями, будет одержим стремлением воздействовать на среду, *хотя, конечно, далеко не всегда успевать в этом.* Первый тип будет типом относительно более рационалистическим, со способностью созерцательного отношения к миру, второй — относительно более эмоционально-волевым, увлекающимся, со способностью религиозного отношения к миру. Первый тип будет обладать, как правило, большей внутренней свободой, большим критицизмом, меньшей страстностью и меньшей духовной продуктивностью. Второй будет более догматичен, обладать большей страстностью, находиться в более или менее постоянном состоянии «мятущегося» и в своем стремлении воздействовать на мир будет духовно более продуктивен. Первый тип людей условно и для краткости мы назовем объективным, второй—субъективным [1]).

Михаил Иванович Туган-Барановский безусловно принадлежал в общем и целом ко второму типу людей. Ниже мы увидим, как все черты его характера в значитель-

---

[1]) Ср. интересные замечания по психологии характера в ст. Т. И. Райнова: «К психологии личности и творчества Лаврова» в сборнике «П. Л. Лавров», изд. «Колос», Петербург, 1922.

ной мере вытекают из этой основной и общей черты его, заключающейся в относительной неуравновешенности системы элементов его личности, как культурного социально-психического единства.

Но прежде, чем перейти к конкретным чертам его личности, необходимо еще установить второе подразделение характеров и тем отметить вторую общую черту характера М. И.

Второй, как, впрочем, до некоторой степени и первый, установленный тип людей может в свою очередь обладать большей или меньшей способностью к систематичности, размеренности в своих мыслях и действиях, или обратно—меньшей или большей способностью мыслить и действовать по интуиции.

В первом случае мы будем иметь перед собой личность активную, эмоционально-волевую, которая в то же время будет обращать свои идеологические построения и действия в относительно стройную систему, будет поклоняться этой системе и навязывать ее другим, будет увлекать других, создавать школу, привлекать фактических приверженцев и т. д. Во втором случае мы будем иметь перед собой личность, способную к минутам высокого творческого вдохновения, но бессильную облечь свою идеологию и действия в стройную и убедительную систему; личность с большой субъективной жаждой воздействия на дру-

гих и бессильную создать вокруг себя устойчивый круг последователей; личность яркую, увлекающуюся, но неспособную к устойчивому и фанатическому проведению своих идей; личность мало приспособленную и мало приспособляющую, несмотря на сильное стремление приспособлять. Первый подтип субъективного типа мы назовем условно и для краткости систематизирующим, второй—интуитивным. Михаил Иванович Туган-Барановский принадлежал к числу именно тех людей второго типа, которые мыслят и действуют в значительной мере по интуиции.

Мы склонны думать, что относительная неуравновешенность системы элементов личности, органически связанная со способностью мыслить и действовать не столько систематически, сколько интуитивно, и являются теми центральными общими чертами его характера, исходя из которых легче всего можно понять конкретные черты и проявление личности М. И.

Быть человеком субъективного уклада, эмоционально-волевым, обладать жаждой воздействия и в то же время мыслить и действовать в значительной мере интуитивно—это значит, прежде всего, мыслить и действовать, проявлять свою личность ярко и с большим увлечением, но в то же время как бы по наитию.

Без интуиции нет яркого, смелого творчества. Но интуиция свободна и капризна.

Она менее всего считается с установленными и обычными рамками и шаблонами. Она то возносит человека на недосягаемую высоту проникновенности, то, замирая и как бы покидая человека или направляясь в ложную сторону, делает его беспомощным. Вот почему выдающаяся личность субъективно-интуитивного характера представляется нам то в ярком, ослепляющем блеске, то удивительно тусклой, обыденной. Это мы наблюдаем и у М. И. Туган-Барановского.

Как человек субъективно-интуитивного характера, в значительной мере свободный от раз принятой системы условленных путей и шаблонов, он был способен ярко отдаваться заинтересовавшему его вопросу и делу, почерпая содержание их из окружающей общественной среды. Отсюда его склонность сильно реагировать на запросы окружающей жизни. Это свойство он обнаруживал равно как в области научно-идеологического творчества, так и общественно-практической деятельности.

Но именно благодаря этому и в связи с интуитивным характером своей личности, он склонен был впадать, если так можно выразиться, в состояние инерции, увлечения, некоторого упоения захватившим его вопросом, мыслью, построением, что делало его порой индифферентным к другим явлениям жизни. Вместе с тем, благодаря тому же обще-интуитивному характеру

он склонен был, с другой стороны, под влиянием охвативших его новых мотивов работы, бросать и запускать прежние волновавшие его думы и проблемы, что производило, порой, впечатление некоторого непостоянства. Только что приведенные две черты являются у него производными. В основе их лежит способность интенсивно и ярко отдаваться тому злободневному вопросу и делу, на которые падали по той или иной причине лучи его интуиций, и которые овладевали его субъективной, ищущей душой.

Наряду с указанным в личности М. И. должна быть отмечена богатая природная умственная одаренность. Но основные черты его характера кладут резкий след и на его талант. Его талант интуитивный в высшей степени. И как таковой он не горел постоянно ровным, как бы размеренным светом. Он вспыхивал и блистал особенно ярким светом моментами, когда интеллектуальная работа становилась для М. И. очень легкой, скорей игрой, чем трудом. М. И. и сам, повидимому, сознавал последнее обстоятельство. На скромном чествовании его (по поводу, если не ошибаемся, 15-летия его научной деятельности) в кружке политической экономии при Петроградском университете, М. И. в своей ответной на приветствия речи заметил, что научная работа давалась ему чрезвычайно легко, без труда, доставляя

величайшее интеллектуальное наслаждение.

Субъективно-интуитивный характер богатой одаренности М. И. кладёт яркий отпечаток и на все интеллектуальные проявление его личности.

Ум с преобладающим характером интуитивности мы противополагаем, согласно всему сказанному выше, уму с преобладающим характером систематичности и дискурсивности. Ум дискурсивный склонен к выработке системы мировоззрения той или иной степени оригинальности, в зависимости от силы таланта этого ума, к разложению объекта познания на первоначальные элементы, к установлению логически-точных классификаций, к несколько щепетильному определению исходных предпосылок мышления, к некоторому формализму в мышлении, к возможной, хотя иногда чрезмерно формальной, доказательности. Наоборот, ум интуитивный—и это мы наблюдаем у М. И.—обычно обнаруживает иные черты. Конечно, и он имеет то или иное мировоззрение, но он не стремится к такой строгой систематизации его. И ум интуитивный пользуется анализом, классификациями, доказательствами, устанавливает те или иные исходные положения, но он не так озабочен их строгостью. Поэтому, интуитивное мышление обладает, как правило, меньшей дифференцированностью и большей аморфностью. Оно в боль-

шей мере опирается на интуитивную, внутреннюю очевидность высказываемых положений. Самоочевидность принятых им положений имеет для него примат над доказательствами их, и простые наглядные иллюстрации оно часто принимает за доказательство. Поэтому в интуитивном мышлении больше элементов веры. И когда интуитивный ум встречается с критикой ума дискурсивного характера, он часто начинает колебаться, уступать, отказываться от своих положений. Однако, этот отказ бывает сплошь и рядом временным. От положений, которые для него обладают особой внутренней самоочевидностью, он отступает весьма часто лишь на словах, а не на деле. В отношении к М. И. нам вспоминаются здесь два особо характерных случая. В первом издании своих «Основ политической экономии» М. И., всецело следуя за распространенным мнением, исходил в своих построениях между прочим из предпосылки, что хозяйствующий человек руководится в своих действиях *эгоистическими* мотивами. Но уже во втором издании «Основ» он писал: «Обычное мнение, что основной посылкой «экономической жизни» является «посылка эгоизма»... было подвергнуто сильной и убедительной критике Л. И. Петражицким». И под влиянием этой критики М. И. заменяет упомянутую посылку «эгоизма» посылкой, что хозяйствующий человек ру-

ководится не чисто эгоистическими мотивами, имеет «в виду не только себя лично, но и свою семью (действует, как bonus pater familias, говоря языком римского права)» [1]).

Другой случай связывается для нас с частыми личными беседами с М. И., между прочим о значении его схем, которые он, следуя в основах за Кенэ и Марксом, приводит, по его мнению, для *доказательства* своей теории рынков. Очень часто в упомянутых беседах М. И. склонен был, однако, признавать, что схемы эти являются скорей *иллюстрацией*, чем *доказательством* его теории рынков, и что они, во всяком случае, являются, при известных условиях, доказательством лишь *возможности* характеризуемого им типа распределения национального продукта, а не доказательством того, что *фактический* ход этого распределения в капиталистическом хозяйстве именно таков. Однако, в конечном итоге бесед М. И. неизменно заявлял, что он, все-таки, *абсолютно убежден в правильности своей теории и в доказательной силе схем*. К сказанному интересно присоединить еще следующее. М. И. при этих беседах признавался, что, будучи убежден в правоте своей теории рынков, он не может столь же категорически утверждать этого относительно своей

[1]) См. «Основы политической экономии» 2-е и сл. изд. Гл. II.

теории кризисов, что он не может дать *достаточно убедительных доказательств* в пользу теории кризисов и, в частности, в пользу необходимой связи этой теории с теорией рынков. И тем не менее интуитивно он, повидимому, был убежден и в правоте своей теории кризисов, и в ее органической связи с теорией рынков. Вот почему существовавшие у него относительно теории кризисов сомнения не мешали ему даже в последние годы его жизни писать об этой теории: «Изложенная в тексте теория кризисов находится в органической связи с развитой в предыдущей главе теорией рынков—обе теории стоят и падают вместе» [1]). Во всем этом самым наглядным образом проявляется его субъективный и в то же время интуитивный характер мысли и действий.

Сказанное нами в качестве характеристики субъективно-активного интуитивного ума и таланта обрисовывает его как будто в менее положительном свете, чем ум дискурсивный. Однако, это не полная характеристика. Необходимо отметить ряд других черт, присущих интуитивно-мыслящему уму, которые выставляют его в новом свете. Субъективно-интуитивный ум—и это относится целиком к мышлению М. И.—менее формален, он гонится больше за богатством содержания. Вместе с тем он обладает,

---

[1]) «Основы», изд. 5-е, стр. 539.

как правило, необычайной творческой энергией, стремительностью, и способен в порывах творческого увлечения подниматься на такие высоты, которых лишь редко достигает ум объективно-дискурсивный. Вот почему творчество человека интуитивного ума протекает как бы с меньшими усилиями. Вот почему все творчество М. И. рисуется нам и рисовалось ему самому легкой и полной минут глубочайшего интеллектуального наслаждения игрой, как уже и отмечалось выше.

В теснейшей связи с основными чертами его характера и этими порывами творческого увлечения у М. И. стоит, нам кажется, и его удивительная способность красочного, порой почти художественного, страстного, даже патетического изложения. Многие страницы, написанные М. И. и относящиеся, казалось бы, к чрезвычайно прозаическим и скучным вопросам экономики, являются прямо классическими по своему блеску и эмоциональному подъему.

Эта способность к высоким творческим порывам и подъему позволяет нам, далее, на фоне уже описанных основных черт его характера, понять и отметить еще и новую черту М. И.: его склонность к *идеализму* и в силу этого его живой интерес к проблемам идеализма, которым он посвятил значительную часть своих работ. Притом, идеализм натуры М. И. носил в глубине своей религиозно-эстетический характер.

Французский философ Гюйо в своей замечательной книге «L'Irreligion de l'avenir» старался показать, что старые, полные ритуала и внешних эффектов религии разлагаются, заменяясь особым и более высоким типом углубленного внутреннего состояния души и сознания современного культурного человека,—состояния, которое выполняет для каждого такого человека особым образом функцию старых религий, делая для него созвучным и близким весь мир. Именно в этом не конфессиональном, а расширенно-психологическом и переносном смысле мы говорим о религиозном характере личности М И. И М. И., как нам хорощо известно, чрезвычайно ценил и высоко ставил отмеченное состояние сознания и настроения. Совершенно ясно, что и указанная склонность к идеалистическим построениям и отмеченное религиозно-эстетическое настроение его являются прямым следствием и конкретным проявлением основных черт характера М. И., как характера субъективно-интуитивного, вообще склонного к субъективно-идеалистическим построениям и религиозно-эстетическому отношению к жизни.

Но религиозность М. И. носила в высокой степени индивидуальный, возвышенный и эстетический характер. Во всяком случае, М. И., как человек интуитивного уклада, мало склонный к созданию целостной и негибкой системы «сакральных»

догматов, был чужд фанатизма и обладал исключительной веротерпимостью. Это в свою очередь не могло не соединяться в нем с необычным для людей субъективно-систематизирующего уклада чувством внутренней свободы и душевной мягкости.

Но, быть может, именно такая композиция религиозно-идеалистических черт личности М. И. лишала его способностей политического и общественного массового вождя. Натуры, способные верить и психологически приближающиеся в этом отношении к состоянию как бы религиозного настроения всегда таят в себе черты детской наивности. Эта черта была весьма свойственна и М. И. Но это не мешает некоторым из таких людей быть общественными вождями, группировать около себя массы, создавать школы и секты. Наоборот, быть может, только такие люди с ярко выраженными чертами психологически-религиозного характера, религиозной увлеченности, и были действительными вождями масс. Однако, такими вождями могут стать лишь те из них, вера которых, какое бы содержание она ни имела, носит массовый характер, и темперамент которых полон последовательной активности, стойкости и даже увлечения.

Это удел людей не субъективно-интуитивного, а субъективно-систематизирующего уклада, людей, умеющих говорить на языке, понятном и близком для масс.

Выдающийся человек последнего типа легко может стать центром и фокусом массовых симпатий, владеть массами и вести их за собой. Но такими чертами не обладал М. И. Он был слишком резко выраженной, сложной и эстетической индивидуальностью, чтобы иметь действенный отзвук в массовом сознании. Своеобразная натура М. И., обладая чертами наивности, религиозной устремленности, и в то же время лишенная духа последовательной и непреклонной систематичности, была мало приспособлена к роли вождя. Своими идеями, своими блестящими сочинениями он мог производить впечатление и влияние на умы, но по существу он не был и не мог стать вождем того или иного движения, не мог создать школу, сплотить около себя определенную группу последователей.

Как натура интуитивно-проникновенная и в глубине эстетически-религиозная, М. И. склонен был, что вообще наблюдается у таких натур, к некоторому «пророчеству». Но его пророчества были так же странны и своеобразны, хотя бы порой и верны, так же малосозвучны реальному массовому сознанию, как и весь уклад его личности. В этом отношении характерны факты, переданные нам Е. Д. Кусковой. В конце 90-х годов М. И. предсказывал, что через несколько лет в России будет конституция, и предлагал Е. Д. держать пари. В

средине девятисотых годов он утверждал, что в России возможна скорая социальная революция и что на сцену выступит с небывалой силой демократия, и снова предлагал Е. Д. держать пари. М. И., как ясно, в этих случаях почти не ошибался. Но нельзя не признать, что эти его предсказания, несмотря на всю их удивительную правильность, носят характер скорее вспышек провидения яркой индивидуальности, чем прогнозов, которые могли бы быть и были брошены их автором в качестве лозунгов массового движения. И не случайно, что он так часто соединял их с предложением держать пари. Это так хорошо характеризует его прогнозы, как провидения, которым не придавалось и не было придано характера социально-политических прогнозов, порождающих лозунги и массовое действие. Они были продуктом личного переживания и умонастроения.

И вообще М. И. производил впечатление человека со взглядом, обращенным внутрь себя, сосредоточенного на своих мыслях и переживаниях. Отсюда его иногда необыкновенная рассеянность в отношении к окружающему внешнему миру и окружающим людям. На этой почве нам вспоминается ряд курьезов в его жизни. Так, однажды М. И. выразил чрезвычайное удивление, узнав, что проф. N читает лекции, встречается и часто заседает вместе с ним в одном высшем учебном заведении

Петрограда. Так, он мог смотреть на человека как будто внимательно, как будто внимательно слушать его, но ничего не слышать, будучи в действительности и непроизвольно погружен в какие-либо свои переживания. Он мог делать и фактически делал во время разговора замечания, которые не имели никакого отношения к теме разговора или имели отношение в совершенно ином смысле. Однажды, когда в его присутствии рассказывалось, что в театре «Кривое зеркало» в пьесе «Чествование Козьмы Пруткова» под именем Межерепиуса, повидимому, шаржирован Д. С. Мережковский, М. И. заметил с удивлением и даже легкой обидой, что он не может поверить, чтобы Д. С. Мережковский мог выступить на сцене «Кривого зеркала». И по существу очень добрый, приветливый и простой, он часто, в силу этих черт своего характера, производил впечатление человека холодного, равнодушного, невнимательного.

Это не мало вредило ему, между прочим, в его отношениях с людьми. Многие не любили его, не любили за его наивность и за его, несомненно, совершенно призрачную, холодность, ставя ее в связь с его столь же призрачным эгоизмом. Мы говорим—призрачным, ибо человек субъективного уклада вовсе не обязательно холодно-эгоистичен, и М. И. в действительности был человеком высокой доброты и

душевности. Холодно-эгоистичный человек, нам кажется, не мог бы быть таким идеалистом, не мог бы проявлять такой сердечности, какую проявлял на самом деле и в глубине души М. И., не мог бы писать такие задушевные строки, как его небольшие некрологи о М. М. Ковалевском, И. И. Янжуле и др. М. И. мог иметь и имел глубокую привязанность к людям, он мог быть и был прекрасным отцом, мог сердечно и нежно любить.

Но как бы то ни было, благодаря самоуглубленности, субъективности, от личности М. И. веяло иногда холодной сдержанностью. Эти черты, соединяясь в нем со своеобразным эстетизмом, с едва уловимым, тонким и по-своему красивым налетом дворянского барства, позволяли звучать у него, временами, нотам некоторого меланхолического разочарования, неспособности чему-либо удивляться и равнодушия. Однако, в глубине своей они являлись лишь иной формой и отголоском его горячей жажды красочной, активной и яркой жизни.

Все сказанное приводит нас, наконец, к уяснению общего жизненного тона М. И.

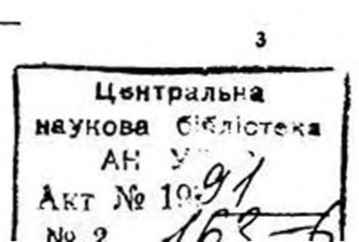
Выше мы говорили о «стоимости» и «ценности» личности, как объективных общественных категориях. Но эти же категории имеют и субъективно-психологическое преломление в сознании самой личности. Есть люди, которым их субъективная и

общественно-объективная «ценность» представляются эквивалентными. И эти люди бывают с наиболее устойчивым самочувствием, с наиболее ровным положительным жизненным тоном. Таких людей мы чаще встречаем среди людей объективного уклада. Но есть люди, которым субъективно кажется, что их общественная «ценность» выше, чем это полагает общество. И если эта разница в расценке со стороны общества и самой личности слишком значительна, жизнь такой личности наполняется страданиями от сознания, что она не дооценена; тогда она проникается разочарованием, иногда озлобленностью, и жизненный тон ее резко понижается. Такие случаи мы чаще всего встречаем среди людей ярко выраженного субъективного уклада. В личности М. И. мы встречаем в общем и целом скорей гармонию общественно-объективной и субъективно-психологической расценки его личности, почему и жизненный тон его был в основе устойчивый, бодрый. Однако, мы не можем не отметить некоторой, весьма слабой, впрочем, психологически не глубокой тенденции у него к превышению субъективной расценки личности над объективной и, следовательно, уклон жизненного тона в сторону отрицательную. Но именно потому, что эта тенденция и этот уклон были не глубоки, не сильны и не имели корней в действительности—они не нарушали устой-

чивости его положительного тона. Они лишь облекали его личность тонким и красивыми слоем той легкой грусти, меланхолии и некоторой разочарованности, о которых упоминалось выше. Все это делало его личность еще более сложной и своеобразной.

На этом мы закончим характеристику личного характера М. И. Эту характеристику не следует понимать, как оценку, похвалу или порицание. Оценка личности в смысле общей похвалы или порицания слишком ответственное и едва ли нужное суждение. К тому же она слишком субъективное дело. Наша характеристика претендует на гораздо более объективное значение и имеет своим единственным назначением уяснение и понимание личности М. И.

Но во всяком случае, заканчивая эту характеристику, мы с большим правом можем повторить то, что сказали в начале: в лице М. И. Туган-Барановского мы потеряли выдающуюся по своеобразию, богатству оттенков, одаренности и высоте духовной культуры человека. Данная общая характеристика личности М. И. позволит, как нам кажется, лучше уяснить теперь и влияние на него общественной среды, т. е. общественных идей и общественной практики.

3.

Остановимся же в общих чертах на той социальной среде и, в частности, на той совокупности общественных идей и событий, среди которых М. И. выступил со своей как научно-идеологической, так и практической общественной работой.

М. И. Туган-Барановский родился в Харьковской губернии и по роду своему был наполовину украинец.

В молодости он проявлял уже серьезный интерес к естествознанию и философии. На гимназической скамье среди других философских сочинений он с особым увлечением читает Канта.

По окончании гимназии первоначально М. И. избрал себе специальностью естественные науки и поступил на физико-математический факультет Харьковского Университета. В 1888 г. он получил звание кандидата естественных наук. Но уже во время изучения естественных наук, он вполне осознал, что основной интерес его лежит в плоскости наук общественных. Ему казалось, как рассказывал он позднее, что он не обладает достаточным терпением и способностями к кропотливому труду естественника, «к изучению деталей строения молюсков, червей, тычинок и пестиков». И почти одновременно с окончанием физико-мате-

матического факультета он экстерном кончает юридический факультет Харьковского же Университета. С этого момента он всецело отдается социально-экономическим проблемам, всецело погружается в мир социальных идей и борьбу общественных течений эпохи, где развертывается, эволюционирует и крепнет его личность.

Это было начало 90-х годов. Капитализм и промышленное развитие делали огромные успехи в мировых размерах. Россия точно так же вплеталась тесными нитями в сеть мирового хозяйства, обнаруживая мощные и яркие признаки капиталистического развития. Умирала старая, натурально-крепостная Русь, и нарождалась все более новая промышленно-торговая и городская Россия. Соответственно, происходил перелом и в области общественной идеологии, в области общественных интересов и устремлений.

Доселе господствовавшее старое народническое мировоззрение с его верой в возможность «особого пути» общественного развития России, с его верой в «народные формы» мелкой кустарной промышленности, уступало, шаг за шагом, свои позиции перед новым течением—марксизмом.

Народническим верованиям в «особые пути развития» России марксизм противопоставил факт роста промышленного капитализма в России. И так как этот факт

не укладывался в рамки старого мировоззрения, то создавалась настоятельная необходимость в развитии новой системы мировоззрения. Поэтому речь шла не только о путях развития России, но и о новых методах анализа общественных явлений, о новом понимании общественного прогресса и борьбы.

Эти новые методы, эти новые взгляды на прогресс и общественную борьбу, русская интеллигенция и черпает из марксизма. Субъективному методу русской социологической школы противопоставляется объективный диалектический метод анализа общественных явлений, народническое понимание прогресса, как приближения к идеалу целостной человеческой личности, все более вытесняется пониманием прогресса, как максимального развития производительных сил, народнической вере в силу критически-мыслящих личностей, вере в единство народа, вере в единство масс физического труда и интеллигенции противопоставляется факт и понятие классовой борьбы и вера в творческую миссию пролетариата.

Новое учение—марксизм был перенесен к нам из Германии. Русские последователи его приняли концепцию нового учения полностью, ортодоксально.

Происшедшие изменения в социально-экономической действительности и сдвиг в умонастроениях явились импульсом для

развития общественной мысли в определенных направлениях, ставя ей новые задачи Нужно было взять новый метод и пустить его в работу, нужно было на базе его развивать и совершенствовать социально-экономические дисциплины. Нужно было в то же время вести борьбу с идеологическими противниками—с народниками. Возникали, далее, задачи практически-политического характера по организации рабочего движения.

Необходимо, однако, отметить, что в области экономическаго мировоззрения наряду с марксизмом в это время чрезвычайно ярко выступает и теория предельной полезности, развитая в 70-х годах Менгером, Джевонсом и Вальрасом почти одновременно.

В полосе таких-то условий и умонастроений оказался М. И. на университетской скамье и сейчас же после нее.

Как натура интуитивно-увлекающаяся, быстро схватывающая существо явлений, М. И. не мог пройти как мимо многих фактов социально-экономической жизни, так и мимо новых уклонов общественной мысли и экономической теории.

М. И. в общем принимает как модное, быстро завоевывающее умы учение о предельной полезности, так и марксистское мировоззрение. Но совершенно ясно, что, приняв основные положения двух враждующих школ, он должен был столкнуться с

необходимостью того или иного синтеза их. Действительно, в 1890 г. он выступает со статьей «Учение о предельной полезности» [1]), где намечает синтез трудовой теории ценности (классиков) и теории ценности австрийской школы,—синтез, который он разовьет полнее впоследствии. Однако, учение австрийской школы, казавшееся ему в некоторых отношениях весьма убедительным теоретически, не достаточно глубоко и полно охватывало для него социально-экономические явления эпохи. Оно было чуждо ему по социально-политическому содержанию и осталось поэтому на поверхности его мировоззрения, далеко не определяя его. Вот почему М. И., не принимая теории ценности Маркса, сохраняет целиком социальное содержание его учения. Он не находит, что учение австрийской школы противоречит идеями трудовой теории ценности классиков, выражением чего и явилось его упомянутое стремление синтезировать их. Отдав должное новым экономическим учениям в области теории ценности, по общему характеру и социально-политическому содержанию своего мировоззрения М. И. становится марксистом. И как человек эмоциональный, с чертами религиозной увлеченности, он воспринимает марксизм в его социально-политическом содержании

[1]) См. «Юридический Вестник», 1890 г.

совершенно категорически и безоговорочно.

В 1891 г. он выпускает книжку—«Прудон, его жизнь и деятельность», а в 1892 г. вторую—«Д. С. Милль, его жизнь и деятельность». В этих книжках он бесспорно обнаружил литературные способности, но самые работы эти являются более или менее случайным эпизодом его развития. Основная линия его внимания и интереса лежала в другой плоскости.

Основное направление научно-идеологических интересов М. И. в это время определяется с одной стороны фактом мирового подъема капитализма, с другой—его приверженностью к марксизму в указанном выше смысле. И свою первую крупную и выдающуюся теоретическую работу «Периодические промышленные кризисы» (1894 г.) М. И. посвятил одному из самых любопытных и своеобразных явлений капиталистического строя—проблемам рынка и кризисов. Она доставила ему огромную популярность, и ее он защитил в 1894 г. при Московском Университете, как магистерскую диссертацию.

Почти одновременно М. И. сближается с группой журналистов и общественных деятелей, объединившихся вокруг редакции журнала «Мир Божий», во главе которого стала будущая супруга М. И.—Л. К. Давыдова. На страницах «Мира Божия», М. И. выступает с пропагандой и разви-

тием идей марксизма. В 1895 г. он помещает в журнале статью «Значение экономического фактора в истории» (№ 12). Выступление молодого, талантливого и образованного марксиста не проходит бесследно. Против статьи М. И. выставили возражения Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев и Оболенский. В 1896 г. (№ 4) М. И. поместил ответную статью — «Экономический фактор и идеи». Так он втягивается в полемику, защищая марксистское мировоззрение. Он участвует одновременно в журналах «Новое Слово» (1897 г.) и «Начало» (1899 г.), где помещает ряд статей по различным вопросам.

Но М. И. жил в эпоху не только пышного расцвета капитализма и споров относительно общей конструкции в понимании общественной жизни. Он жил вместе с тем, как указывалось выше, в эпоху первых ярких побегов русского капитализма и споров о путях развития России. И чисто научный интерес, и полемический энтузиазм, и приверженность к своей доктрине—все это толкало его к исследованию специально русского капитализма. На этой почве возникает его второй крупный историко-теоретической труд — «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898), который он представил и защитил в том же году при Московском Университете, как докторскую диссертацию. М. И. и сам неоднократно говорил, что одним из

импульсов к появлению исследования о фабрике было его желание доказать несостоятельность народнических теорий по вопросу о судьбах капитализма в России.

И любопытнее всего отметить, что М. И. дал только первый том «Фабрики». Когда общественные интересы и запросы изменились, он, в силу особенностей своего субъективно-интуитивного характера, охладел к теме и по видимому не смог продолжать работу, начатую в другой обстановке [1]).

Исследуя социально-экономическую действительность и горячо отстаивая, особенно в журнальных статьях, принципы преуспевающего марксизма, М. И. в то же время вращается в петроградских кружках радикальной, главным образом марксистской интеллигенции.

Марксизм принес новую социологическую концепцию, существенно отличную от концепции народников. Правда, марк-

---

[1]) По сведениям, сообщенным нам в самое последнее время проф. С. И. Солнцевым, однако, М, И. незадолго до смерти была почти подготовлена к печати большая работа, которая являлась, повидимому, своего рода продолжением первого тома «Фабрики». Где находится эта работа, нам неизвестно. Возможно, что она погибла вместе с библиотекой М. И.

О работе этой нам никогда не приходилось слышать от самого М. И.

сизм и народничество сближались в одном отношении—это в социально политических устремлениях. И то, и другое течение было течением политически и социально-радикальным, социалистическим, ставящим целью уничтожение капиталистической эксплоатации. Но марксизм подчеркивал более высокий научно-об'ективный характер всех своих социологических и социально-политических построений.

Отличались эти течения и в сфере философских воззрений. В то время, как народничество стояло, в сущности, на позиции суб'ективного реализма, марксизм стоял на крайней позиции об'ективного реализма, на позиции диалектического материализма.

В философском отношении то и другое течение сближала, однако, их оппозиция критическому идеализму.

Между тем к концу 90-х годов появились признаки возрождения идеалистических воззрений, имевших свои идейные корни именно в философии Канта и неокантианцев. В 1903 г. выходит сборник «Проблемы идеализма» и отчетливо формулирует позицию нового усиливающегося общественного течения этой эпохи. Возрождение критического идеализма явилось несомненно симптомом начала некоторого идейного перелома в русской общественной мысли. С другой стороны, начавшаяся проповедь идеализма явилась фактором развития и углубления

этого перелома,—фактором, который, во всяком случае заставлял пересмотреть свои прежние ортодоксальные позиции. В недрах ортодоксального марксизма начинается кризис, появляются признаки ревизионизма. Ревизионистское движение расширяется, оформляется и форсируется переносом на русскую почву западно-европейского ревизионизма, возглавлявшегося Э. Бернштейном. Приезд некоторых эмигрантов, в частности Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповича и др., зараженных ревизионизмом, их выступления в петроградских марксистских, еще полных ортодоксии, кружках, вызвали здесь необыкновенный подъем страстной идейной борьбы. Выдвигаются спорные вопросы марксизма, подвергается обсуждению самое понимание социализма и путей к нему.

Наметившийся сдвиг к пересмотру позиций, к ревизионизму и идеализму не прошел бесследно для М. И. Наоборот, прослеживая шаг за шагом его работы, мы видим, как последовательно он переживает такой же идейный кризис.

В сущности, зародыши расхождения с марксизмом на почве экономической теории у М. И. наметились уже с первых шагов его научной деятельности. Началом в этом отношении послужила упомянутая статья о школе предельной полезности. Правда, он не видит в учении о предельной полезности учения, противоречащего теории ценности трудовой школы. Но, ко-

нечно, при его стремлении синтезировать учение той и другой школы, при его непринятии теории ценности Маркса, как таковой, М. И. уже тогда не был ортодоксальным марксистом в совершенно точном и строгом смысле слова. Далее работы о «кризисах» и «фабрике» дали выводы, быть может неожиданно для самого автора далеко не во всем укладывавшиеся в схему марксизма. Но это была лишь дань исследовательскому чутью и вместе с тем первые бессознательные удары по исповедываемому учению. В отношении мировоззрения в его целом М. И. остается марксистом. Голос прямой критики у него еще заглушен или не проснулся. Психологическая приверженность к марксистскому учению, согласие с его общесоциологической концепцией, пока еще имеет у него примат над зародышами внутренних теоретических расхождений. Однако, далее, на почве общего перелома в общественных умонастроениях, эти зародыши развиваются. М. И. углубляет свое критическое отношение к марксизму, шаг за шагом вырисовывает контуры нового, в глубине идеалистического мировоззрения, расширяя одновременно и поле научных изысканий. Глубокое семейное горе—смерть любимой жены Л. К. Давыдовой, а затем революция 1905 г. лишь ускорили и углубили процесс перелома в мировоззрении М. И. С 1901 г. он печатает в «Мире

Божием» работу—«Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» (вышедшую в 1905 г. отдельным изданием и затем несколько раз повторенную), где он на историко-идеологическом материале подвергает обсуждению различные проблемы социализма и уже весьма сочувственно отзывается о так называемых социалистах-утопистах, ценя их идеализм, их полный энтузиазма устремленный в грядущее взгляд. Намеченные в «Очерках» уклоны получают позднее дальнейшее и прямое развитие в работе «Современный социализм в своем историческом развитии» (1906). На этой работе особенно рельефно чувствуется перелом и сдвиг в мировоззрении М. И. С одной стороны, он еще не порывает с марксизмом и в критике капитализма основывается на этом учении. С другой, не следуя марксизму, в значительной мере вопреки его обыкновению, он уже во многом солидаризируется с социалистами-утопистами. «Этот утопический социализм представляется мне,—писал уже здесь М. И.,— заслуживающим самого серьезного внимания; я считаю его в некоторых отношениях даже более научным, чем марксизм» [1]). Итак, идеалистические мотивы в представлении М. И. о социализме приобретают видное,

---

[1]) См. «Современ. социализм в своем историческом развитии», стр. IV.

если не доминирующее, значение. Параллельно он подвергает пересмотру ряд теоретических проблем своего социально-экономического мировоззрения. В 1904 г. появляются в журнале «Мир Божий» его статьи — «Психические факторы общественного развития», «Борьба классов, как главнейшее содержание истории» и в журнале «Новый путь»—«Крушение капиталистического строя, как научная проблема» и др. Существо этих статей с различными изменениями и дополнениями составило затем работу М. И.—«Теоретические основы марксизма». В ней, как и в статьях, М. И. развивает взгляды, близкие к марксизму, но отличные от него.

На М. И. уже отчетливо видны влияние философии Канта, более сильное, чем ранее, влияние австрийской школы экономистов, социологических воззрений Уорда, Тённиеса и др.

Нужно отметить, что одновременно с работой в области социально-экономической теории и социализма, М. И. откликается и на другие вопросы дня. Так, аграрные волнения 1902—1903 гг. выдвинули с небывалой остротой аграрный вопрос. М. И. реагирует на этот уклон общественных интересов небольшой работой—«Земельная реформа» (1905).

Однако, основное русло развития его мысли продолжает лежать в плоскости

социально-экономической теории и социализма. И здесь мы видим дальнейшие этапы начавшегося у него и отмеченного выше идейного перелома. Лишившийся перед революцией любимой жены и мало приспособленный к задачам общественного вождя, М. И. остается в 1905—6 гг. как бы в тени, сосредоточенный в себе и занятый своей работой мысли. Наступившие годы реакции пробуждают вообще некоторый уклон к теоретическим вопросам, к проблемам идеализма, религии, искусства. И мы видим в это время М. И., с одной стороны, за попыткой более или менее систематически изложить свои социально-экономические воззрения, в результате чего появились его «Основы политической экономии» (1909); с другой стороны, он выступает с рядом статей по вопросам общественной морали и общественного идеала. Эти статьи затем вошли в сборник «К лучшему будущему» (1912). Среди них необходимо в особенности отметить—«Три великих этических проблемы (нравственное мировоззрение Достоевского)», «Русская интеллигенция и социализм» (по поводу сборника «Вехи»), «Кант и Маркс» (по поводу сборника статей Форлендера о Канте и Марксе).

Этот период подводит как бы итог тому идейному перелому, который произошел у М. И. В основу своего социально-идеологического мировоззрения он уже опреде-

ленно кладет теперь нравственные принципы философии Канта. Эти принципы, как мы увидим ниже, приобретают у него власть даже над основами чистой социально-экономической теории. Он становится по ряду принципиальнейших методологических вопросов на базу неокантианской философии — школы Виндельбанда-Риккерта и благодаря этому во многом сближается с когда-то им горячо оспариваемой русской субъективной школой социологии, в особенности, поскольку это относится к признанию личности верховной социально-этической ценностью и к признанию необходимости известного телеологического элемента в социальных науках. Так, со второй половины 900-х годов мы видим М. И. все так же страстно ищущим, полным интеллектуального подъема и увлечения. Но путь его уже не тот, по которому он шел в 90-х годах. Он покинул философские позиции материализма и через ревизионизм все более склоняется к идеалистической системе мировоззрения, оставаясь социалистом.

Дальнейшие годы работы лишь укрепили М. И на этом новом пути. За это время он, с одной стороны, продолжает развивать свои чисто теоретические взгляды, и в 1913 г. на немецком языке появляется его «Sociale Theorie der Verteilung», общие черты которой, впрочем, уже были изложены им в в «Основах политич. экономии». С дру-

гой стороны, в это время, вместе с широкими общественно-интеллигентскими, настроенными более или менее демократически кругами, он увлекается кооперативным движением. И, как всегда, М. И. приносит в эту область своей работы энтузиазм. Он связывает кооперативное движение с проблемой общественного идеала и социализма и дает чрезвычайно выпуклую теоретическую концепцию кооперации. Результатом его работы явились «Социальные основы кооперации» (1916), «В поисках нового мира» (1913) и ряд статей по кооперации.

Война направила общественный интерес к некоторым новым вопросам. Среди них видное место занял вопрос о природе денег и денежной политике. Со свойственным ему увлечением М. И берется за этот вопрос и дает «Бумажные деньги и металл» (1917). Но война не уничтожила и настойчивого интереса к проблемам общественного идеализма, общественного развития и кооперации.

Начавшаяся революция еще более обострила эти проблемы. Она поставила снова также вопрос о земельной реформе. М. И. вновь и вновь возвращается к этим проблемам, продолжая развивать принципы своего идеалистического мировоззрения. И предпоследними словами М. И., как ученого-идеолога, были его работа—«Социализм, как положительное учение»

(1917) и статьи «О кооперативном идеале» [1]) и «Русская земельная реформа и кооперация» [2]).

Революция, начавшаяся с таким общенациональным подъемом в 1917 г., очень скоро выявила огромной мощи стихийные центробежные силы, таившиеся в стране. М. И. приветствовал революцию. Но любопытно, что в первый ее период он опять остается как-то в тени. Лишь затем, когда начался период коренного социального перелома в центре и взрыв национально-сепаратистских устремлений на окраинах, он увлекается потоком украинофильского движения.

На Украине, хотя и занятый общественной деятельностью в узком смысле слова, он не прекращает своей научно-идеологической работы. Наиболее крупными его работами, написанными по-русски, но напечатанными сначала в переводе на украинский язык, явились популярный курс политической экономии—«Политична Економия» [3]) и «Кооперация, социально-економична природа и та мета», а также ряд статей по украинским вопросам и вопросам украинской кооперации.

---

[1]) См. «Вестник Кооперативн. Союзов» № 1, 1918 г.

[2]) Вошла отдельн. главой в третье изд. «Социальных основ Кооперации».

[3]) Эта работа появилась в настоящее время и на русском языке. Киев. 1919.

Однако, отчасти захваченный волной националистических местных увлечений, М. И., повидимому, пережил новый частичный перелом в некоторых своих политических воззрениях. Оставшись социалистом и демократом, он несколько изменил свои воззрения, в частности, на национальный вопрос. Ниже, говоря о нем, как общественном деятеле, мы еще вернемся к этому вопросу.

Таковы те основные социально-экономические условия, в среде которых жил и работал М. И., и те основные идейные влияния, которые он на себе испытал и своей личностью отражал. Из предыдущего мы в достаточной мере должны были убедиться в тесной связи социальной среды и развития личности М. И. В характере этой связи, в характере реакции, со стороны М. И. на окружающую социальную среду проявилось все своеобразие его личности, весь ее темперамент, обрисованный выше.

Обратимся же теперь к изложению научно-идеологических взглядов М. И., стремясь представить их преимущественно не в генетическом, а в систематическом виде.

4.

Наука,—полагает М. И.,—имеет две задачи—*описание* явлений и *объяснение* их [1]). Описание явлений—это лишь первая ступень научного познания и она завершается образованием системы научных понятий. Но как можно описать окружающий мир и образовать научные понятие о нем, если он бесконечно (экстенсивно и интенсивно) многообразен? Очевидно, что это бесконечное многообразие мира при образовании понятий можно преодолеть только путем отбора важных для познания признаков изучаемых явлений. Но отбор этот предполагает критерий отбора. Поскольку мы находимся в круге наук о природе, таким критерием для теоретических наук служит *богатство научных выводов*, которые можно получить, сосредоточивая внимание на тех или иных признаках явлений; для практических же наук о природе критерием служит тот всегда бесспорный *практический интерес* (например, нормальное состояние организма в медицине, технический эффект—в прикладной физике, и т. п.), которому призваны служить данные науки. Т. о. в сфере наук о природе, как теоретических,

---

[1]) См. «Основы политической экономии», изд. 5, гл. II.

так и практических критерий отбора изучаемых явлений установить сравнительно легко. Имея этот критерий естествознание и строить систему научных понятий; при чем из предыдущих рассуждений о критерии отбора видно, что для М. И. даже образование естественно-научных понятий имеет в себе телеологические элементы. Труднее обстоит дело в общественных науках и, в частности, в экономике. Здесь даже в теоретической области трудно произвести отбор важных и нужных признаков изучаемых явлений и образовать научные понятия, не договорившись предварительно о критерии отбора, ибо эта область наук тесно связана с живыми и разнообразнейшими интересами общественных групп. Так, например, с точки зрения интересов рабочего класса, заработная плата является очень важной и самостоятельной категорией общественного дохода, а с точки зрения интересов предпринимателя заработная плата является просто составной частью категории издержек производства. Но в таком случае даже возможна ли единая общезначимая экономическая и вообще социальная наука? Да, возможна, отвечает М. И., ибо в основу ее можно и должно положить при образовании понятий общезначимый критерий отбора признаков изучаемых явлений,—критерий, получаемый нами от нашего морального сознания и формулированный Кантом. Таким критерием является

идея верховной ценности человеческой личности. Таким образом, в самое основание социально-экономической науки М. И. кладет определенную этическую идею; в самом исходном методологическом положении он устанавливает связь «чистого» и «практического разума», отдавая примат второму. Из всего сказанного ясно также, что М. И. признает допустимость и необходимость телеологического образования понятий в науках вообще и в социальных науках в особенности.

Не трудно видеть, что в этой части своих теоретико-познавательных и методологических воззрений М. И., приближаясь к построениям русской социологической школы Лаврова и Михайловского с их субъективным методом, определенно находится под влиянием школы Виндельбанда-Риккерта, отличаясь, однако, от нее тем, что, во-первых, он распространяет принцип телеологического образования понятий на все науки, во вторых, тем, что высшим критерием образования понятий в общественных науках он считает не риккертовское отнесение явлений и их признаков к культурным ценностям, а кантовскую идею верховной ценности человеческой личности. Отсюда ясно, что эти воззрения М. И. с научной точки зрения вызывают всю ту сумму, и даже больше, возражений, какие вызываются построениями школы Виндельбанда-Риккерта. Ни стремление распространить принцип

телеологического образования понятий на все науки, ни попытку положить в основание конструирования, в частности, социально-экономических наук еще более шаткую этическую, практическую идею нельзя признать у М. И. научно-обоснованными.

Вторая ступень знания, полагает М. И.,—это объяснение явлений, т. е. в конечном счете сведение явлений к причинно-функциональным зависимостям и законам. В области объяснения явлений,—по мнению М. И.,—уже никакое привнесение этики и телеологизм недопустимы. Здесь необходимо опираться на объективные методы индукции и дедукции. В общественных науках применяется тот и другой метод, причем в большей мере—метод дедукции. В частности, теоретическая политическая экономия опирается преимущественно на этот метод.

Таковы в самых кратких и общих чертах исходные методологические воззрения М. И. Посмотрим теперь на построения его в области самой социально-экономической науки по ее содержанию, начав с наиболее общих социологических взглядов его.

М. И. рассматривает общество и общественную жизнь, как явление sui generis, как явление, подлежащее изучению особого цикла наук—общественных. Во главе их стоит наиболее общая из этих наук—

социология. И хотя М. И. думал, что эта наука находится лишь в «муках родов» и, собственно, пока еще в строгом смысле не существует [1]), тем не менее он сам имел некоторые социологические воззрения, которые необходимо вкратце охарактеризовать.

Социологические воззрения М. И. развились на базе построений Маркса и материалистического понимания истории. Но воззрения М. И., как мы видели, подверглись ряду воздействий иных социологических идей, и в более или менее законченном виде они глубоко отличались от взглядов Маркса. По мнению М. И., «общество слагается из отдельных личностей, каждая из которых стремится к удовлетворению своих потребностей», «которые заложены в нашей природе и которые определяют в конце концов все наше поведение» [2]). Потребности эти делятся на следующие основные группы: 1) физиологические потребности в непосредственном поддержании жизни индивидуума, 2) половые потребности, 3) симпатические инстинкты и потребности, 4) эгоальтруистические потребности, 5) потребности, не основанные на практическом интересе [3]).

---

[1]) См. «Основы политической экономии», изд. 5, стр. 2.

[2]) См. «Теоретич. основы марксизма», изд. 4, стр. 36.

[3]) Ibid, глава III.

Потребности толкают человека на путь искания средств к удовлетворению их. «Совокупность человеческих действий, направленных на внешний мир и имеющих целью не наслаждение самою деятельностью, но создание материальной обстановки, необходимой для удовлетворения человеческих потребностей», является хозяйством. Уже в силу того, что именно благодаря хозяйству *создается необходимая материальная обстановка удовлетворения всех* потребностей, хозяйство занимает как бы центральное положение в общественной жизни и служит базой, основой ее. Кроме того и вместе с тем хозяйственная деятельность является важнейшим занятием большинства населения, и это сообщает хозяйству характер социального преобладания и в свою очередь кладет определенную печать на все содержание общественно-культурной жизни.

Хозяйству принадлежит в общественной жизни и ее развитии примат [1]). Однако в конечном счете не все хозяйство, а лишь его материальные факторы имеют определяющее (но не исключительное) влияние на уклад и формы общественной жизни, на степень и характер удовлетворения потребностей. Дело в том, что хозяйство имеет как бы две стороны, два полюса: человека и природу. Хозяйствуя, человек

1) Ibid, глава IV.

воздействует на природу, изменяет ее (материальная сторона хозяйства) и одновременно изменяется сам (социальная сторона хозяйства). Благодаря этому своему характеру, хозяйство как бы связывает общество с природой. Природа влияет на общество или непосредственно (изменение тела и духа человека) [1]), или, и притом преимущественно, опосредствованно, через хозяйство, определяя цели и условия хозяйственной деятельности человека в смысле воздействия на природу (упомянутая материальная сторона хозяйства). Эта устойчивая материальная сторона хозяйства и является определяющим, преобладающим фактором общественной жизни. Итак, М. И. стоит в общем на базе марксова понимания общества [2]). Но он заменяет марксово понятие производительных сил понятием материальных факторов хозяйства. Вместе с тем в воззрениях М. И. уже появились и новые, отличные от марксизма мотивы, которые он выдвигает все с большей и большей яркостью на первый план. Он определенно и более сильно подчеркивает роль психических факторов общественной жизни, роль различных потребностей, как сил, влияющих на направление деятельности, и в том числе хозяйственной деятельности, человека. Вместе с тем,—и это особенно

---

[1]) Ibid, стр. 82.
[2]) Ibid, стр. 107—108.

важно,—он определенно подчеркивает, что роль стихийных материально-хозяйственных факторов в процессе общественного развития падает, что власть человека над природой возрастает и увеличивается роль общественного сознания. В этих наслоениях и поправках нельзя не видеть отголосок социологических учений Фулье, Уорда, Тённиеса и др., с которыми М. И. все более сближался, отходя от марксизма в его ортодоксальной форме.

М. И., далее, полагает, что в общественной жизни человеческая личность со всеми ее потребностями и вырастающими на почве их интересами в стремлении к удовлетворению этих потребностей выступает не одиноко: общество распадается на различные более или менее однородные группы. Материалистическое понимание истории учит, что в основе всех общественных отношений, всякой общественной борьбы, в основе всяких интересов, в какой бы форме и в каких бы видах они ни выступали, лежит борьба классовых интересов, каковая в свою очередь является простым отражением в массовом человеческом сознании столкновения старых и новых способов хозяйства, соответствующих разному уровню развития производительных сил. М. И. отвергает такое расширительное толкование идеи классовой борьбы. Под социальным классом он понимает *«общественную группу,*

члены которой находятся в одинаковом экономическом положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других и, вследствие этого, имеют общих антагонистов и общие экономические интересы в процессе общественного хозяйства [1]). Класс, следовательно, конституируется, как группа, объединенная общностью экономических интересов. Но именно поэтому классовая борьба и не определяет собой всей совокупности общественных отношений. Общественные отношения прежде всего не есть только *борьба* общественных групп: ее мы часто не наблюдаем в сферах высшей духовной жизни общества. Поскольку же общественная жизнь есть действительно борьба социальных групп,—*борьба эта*, во вторых, *ведется отнюдь не только во имя хозяйственных интересов, и потому классовая борьба не объясняет нам даже всех явлений общественной борьбы.* Классовая группировка является лишь важнейшей группировкой новейшего времени, и классовая борьба есть лишь вид наиболее настоятельной и непримиримой общественной борьбы современности.

Таковы в самых основных чертах социологические воззрения М. И. Как видно из

---

[1]) См. «Теорет. основы марксизма», стр. 91 и сл., см. «Основы пол. эконом.», 355.

предыдущего, они не отличаются ни особой оригинальностью, ни достаточной ясностью и точностью. Мы не находим у него достаточно строгого выяснения ни структуры общества, ни понятия факторов, ни понятия преобладающего фактора. На социологических построениях М. И., несмотря на введенные им изменения, все же лежит печать упрощенности и суммарности.

5.

Но М. И. относительно мало и занимался вопросами социологии. И не в них лежит центр тяжести и значение его научно-идеологической работы. Основная часть его работы лежит в исследовании хозяйства — этого центрального, по его мнению, явления общественной жизни. Мы уже знаем, что́ понимает М. И. под хозяйством.

Однако, данное выше понятие о хозяйстве относится к единичному хозяйству. Между тем общественно-экономическая наука исследует не *единичное хозяйство*, как таковое, а *народное хозяйство*. Народное же хозяйство представляет из себя *совокупность связанных* в процессе обмена единичных хозяйств, подчиненную специфической закономерности.

Остановимся же теперь на понимании М. И. основных категорий народно-хозяйственной жизни.

Вслед за Родбертусом и большинством экономистов М. И. различает исторические и логические категории хозяйственной жизни. Логическими категориями хозяйства М. И. считает *ценность* и *стоимость*.

М. И. жил в эпоху обостренной борьбы теории ценности австрийской школы и теории трудовой ценности. Он попытался дать свою синтетическую теорию ценности и сочетать теорию Рикардо с теорией предельной полезности. В своих построениях труд и предельную полезность благ он рассматривает, как объективный и субъективный факторы ценности. Он принимает, что ценность блага равна его предельной полезности. Но, по его мнению, предельная полезность благ зависит в свою очередь от трудовых затрат на это благо: она прямо пропорциональна трудовой стоимости благ.

Это приводит нас к категории стоимости. Большинство экономистов не признает стоимости, как самостоятельной категории хозяйства. Наоборот, М. И. решительно настаивает на необходимости такого признания [1]). Ценность для него—одна, а стоимость—другая сторона хозяйства. Хозяйство, с одной стороны, преследует

[1]) См. «Основы», стр. 54 и сл.

известную цель, интерес, выгоду, и этой стороне его соответствует категория ценности; с другой стороны, хозяйство прибегает к известным средствам, затратам, усилиям, и этой стороне его соответствует категория стоимости. Поэтому под стоимостью М. И. понимает хозяйственную затрату, совершенную ради приобретения того или иного хозяйственного блага. М. И. различает стоимость абсолютную и относительную. Абсолютная стоимость—а именно о ней идет речь, как о самостоятельной логической категории хозяйства—есть иначе трудовая стоимость, есть затрата человеческого труда. Трудовая стоимость абсолютна, ибо она означает затрату труда человека, затрату человеческой личности, как единственно-активного деятеля хозяйства. Это последнее признание базируется у М. И. в конечном счете на идее абсолютной ценности человеческой личности. Здесь политическая экономия при установлении своих понятий, по его мнению, опирается, как отмечалось уже и выше, на этику, и притом на этику «категорического императива».

Из сказанного ясно, что, если хозяйственные блага имеют ценность, то далеко не все они имеют стоимость. Ясно также и то, что установленная М. И. синтетическая формула ценности не имеет общего значения и, во всяком случае, простирается только на те хозяйственные блага,

которые имеют стоимость, т. е. на которые затрачен труд.

Как мы уже видели и видим вновь, М. И. не принимает теорию ценности Маркса. Он полагает, что Маркс вместо теории ценности развил, собственно, теорию стоимости; но что, не признавая последней категории, он пришел к непримиримым противоречиям с действительностью. Привлекательным и правильным в теории ценности Маркса М. И. кажется лишь ее социальное содержание, тот яркий свет, который она бросала на капиталистические отношения эксплоатации. И М. И. представлялось, что, не принимая Марксову теорию, как теорию ценности, но беря ее, как теорию стоимости, и одновременно вводя стоимость, как самостоятельную категорию, он выходит из противоречия с действительностью и в то же время сохраняет все верное социальное содержание теории Маркса [1]). Это верное содержание он видел, как будет ясно ниже, в том, что путем глубоких анализов Маркс вскрыл существо капиталистических общественных отношений эксплоатации. И это верное, по мнению М. И., содержание учения Маркса он целиком сохраняет благодаря введению самостоятельной категории трудовой стоимости. В этом смысле М. И. остается марксистом. В этом смысле

---

[1]) См. «Основы», стр. 72 и сл., «Теорет. основы марксизма», соотв. гл.

мы говорили о нем, как о марксисте, и выше, когда упоминали о его синтетической теории ценности.

Из сказанного становится понятным и тот важнейший эвристический мотив, который руководил М. И. при введении им категории абсолютной трудовой стоимости в экономическую науку. Мотив этот, несомненно, заключался в желании, сохраняя верные и глубокие, по его мнению, анализы социальной жизни, развитые у Маркса, сочетать теорию последнего с данными действительности и позднейшей науки.

То же стремление—сохранить социальное содержание построений Маркса—находим мы у М. И. и при конструировании исторических категорий хозяйства.

Историческими категориями хозяйства М. И. считает для режима товарного строя народного хозяйства *товар* и *меновую ценность*, а для капиталистического строя, который служит завершением товарного, сверх того еще *капитал* и *прибавочную* ценность.

В конструировании понятий товара и капитала М. И. целиком стоит на почве учения Маркса. Принимает он и развитое Марксом в ряде увлекательных страниц «Капитала» учение о *фетишизме товарного производства*, существо которого сводится к выяснению видимости, что товары, мертвые вещи, как бы управляют общественными отношениями людей. М. И. с не мень-

шим подъемом стремился, однако, развить далее учение о фетишизме, выдвигая понятие *фетишизма капиталистического хозяйства*, в силу которого сами люди как бы превращаются в вещи [1]).

Но если в понятиях товара и капитала М. И. стоит на почве учения Маркса, то совершенно ясно, что, выдвинув свою теорию ценности, он должен был дать уже иное истолкование понятию меновой ценности и прибавочной ценности, чем это делал Маркс. Действительно, с точки зрения М. И., меновая ценность является не отношением трудовых ценностей обмениваемых товаров, а просто абстрактной возможностью получить в обмен на данный товар известное количество других товаров,—абстрактной возможностью, конкретным и непосредственным выражением которой (чего не было у Маркса) служит цена. Таким образом уничтожается пропасть между ценностью, в частности меновой ценностью и ценой. В связи с этим, и прибавочная ценность представляется М. И. *не частью ценности* (как кристаллизованного в товарах общественно-необходимого труда), присвояемой капиталистом, а ценностью *прибавочного продукта*, присвояемого капиталистом [2]). Отсюда видно, что понятие при-

---

1) См. «Периодические промышл. кризисы», изд. 3, стр. 230 и сл.

2) См. «Основы», стр. 68 и сл., «Теорет. основы марксизма», гл. VII и VIII.

бавочной ценности, как показателя капиталистического отношения, как выразителя общественного отношения эксплоатации, у М. И. сохраняется. Природа же ее сводится для него к тому, что при капитализме известная категория людей вынуждена уступать собственникам капитала часть созданного *ее трудами продукта*, который имеет, конечно, определенную ценность. Иначе говоря, основа проблемы переносится из области *категории ценности* в область *категории абсолютной стоимости*. И с точки зрения М. И. правильнее было бы, поэтому, говорить не столько *о прибавочной ценности*, сколько *о прибавочном продукте*, имеющем, конечно, ту или иную ценность [1]). Это положение станет для нас более ясным, когда мы обратимся к проблеме распределения общественного дохода по воззрениям М. И.

6.

Над проблемой распределения М. И. потрудился немало, и здесь он выставил ряд оригинальных положений. Прежде всего он пытался методологически вскрыть специфическую природу проблемы распре-

[1]) См. «Основы», отд. IV, гл. VII.

деления и пришел к таким выводам. Распределение *не есть процесс* на-ряду с производством и обменом. *Въ общественном хозяйстве не происходит какого-то особого процесса дележа.* Поэтому и проблема распределения есть проблема того же производства и обмена, но лишь рассматриваемых с особой точки зрения. А именно, учение о распределении рассматривает экономическую действительность с точки зрения образования и размера доходов трех основных классов капиталистического общества, т. е. наемных рабочих (заработная плата), капиталистов (прибыль) и землевладельцев (поземельная рента). Речь идет лишь о доходах трех, а не всех классов общества в силу того, что именно эти три класса предполагаются самым существованием капиталистического строя, и именно их доходы стоят между собой в тесной связи и зависимости [1]). Такова методологическая природа проблемы распределения.

Что такое общественный класс, мы уже видели выше, и теперь проливается лишь более яркий свет на данное выше определение его, становится также яснее глубокая связь проблемы общественного класса и проблемы распределения.

Все указанные доходы М. И. делит на трудовые (заработная плата) и нетрудовые,

---

[1]) См. «Основы», 369 и сл. См. «Sociale Theorie der Verteilung», 1913 г.

т. е. возникающие в результате присвоения прибавочного продукта (прибыль и земельная рента). В области учения о ренте М. И. стоит всецело, с очень незначительными оговорками, на точке зрения теории дифференциальной ренты Рикардо—Тюнена. В отношени же заработной платы и прибыли он выдвинул свою особую *социальную теорию* распределения. Согласно этой теории, проблема распределения независима от какой-либо теории ценности: решение проблемы распределения невозможно вывести из какой-либо теории ценности.

Распределяется чистый национальный продукт или доход [1]), т. е. весь общественный продукт, за вычетом затраченных в процессе производства средств производства. И поскольку речь идет о заработной плате и прибыли, уровень их определяется, во-первых, производительностью общественного труда, во-вторых, относительной социальной силой класса рабочих и капиталистов. Отсюда ясно, что чем более производителен общественный труд, чем более идет вперед технический прогресс, тем выше, caeteris paribus, прибыль и заработная плата.

Однако, единственным творческим агентом экономической жизни М. И. считает, в силу понятных нам оснований (ср.

[1]) «Основы», 392, 467 и др. См. также «Sociale Theorie der Verteilung».

его учение о категории абсолютной стоимости), только человека, только человеческий труд. Правда, капитал в виде орудий и средств производства, благодаря усовершенствованию последних, служит фактором повышения производительности труда, следствием чего, в свою очередь, является повышение национального дохода. Но из этого не следует, что мы должны считать и капитал творческим агентом экономической жизни. Это противоречило бы идее категории абсолютной стоимости. И сам капитал должен рассматриваться нами прежде всего, как продукт труда.

Не трудно видеть, что в теории распределения М. И. особенно рельефно выступает натуралистический мотив взамен ценностного, признаки чего мы уже видели, говоря о понятии *прибавочной ценности, как прибавочного продукта*. Вместе с тем, в решении проблемы распределения обнаруживается некоторая косвенная связь учения М. И. с теориями производительности [1]).

Действительно, концепция М. И. о происхождении и возможности прибыли — чисто-натуралистическая [2]). По его мнению, как мы видели, проблема распределения решается вне зависимости от теории ценности. Нужно просто известное умно-

[1]) См. «Основы», отд. IV, гл. III и VII.

[2]) См. «Теоретич. основы маркс.», гл. VII, «Основы», отд. IV, гл. VII.

жение общественного *продукта*, нужен известный прибавочный *продукт*, чтобы стала возможной прибыль. И если М. И. тем не менее остается сторонником теории эксплоатации, то лишь в силу того, что на основе его исходной этической идеи он рассматривает всякий продукт, в том числе и прибавочный, как продукт труда, хотя и не только физического труда.

Но, представляя значительный научный интерес и отличаясь простотой и убедительностью, теория М. И. оставляет однако как раз не решенным и не выясненным вопрос о взаимоотношении натуралистического подхода к проблеме распределения и ценностной точкой зрения на распределение. Между тем проблема эта далеко не так проста и очевидна, чтобы оставлять ее без освещения. В частности, остается нерешенным, несмотря на все попытки М. И. опровергнуть своих критиков [1]), следующий вопрос: натуральный прирост общественного продукта через присоединение к нему прибавочного продукта означает ли одновременно возрастание *ценности* общественного продукта? И другой вопрос: почему невозможна прибыль (с ценностной точки зрения) даже без прибавочного продукта, а в силу одних лишь

---

[1]) См. «Основы», стр. 451. См. Петр Струве, «Хозяйство и цена». Часть II, вып. I, стр. 15 и сл.

социально-экономических факторов, в силу, хотя бы, отношений эксплоатации?

Во всяком случае М. И. рассматривает проблему распределения, как проблему sui generis капиталистического строя. Он отказался свести ее, как многие делают, к проблеме обмена.

7.

В области обмена, как такового, он подверг самостоятельному анализу одно из самых сложных и загадочных явлений товарно-капиталистического народного хозяйства—деньги [1]). Исследуя явление денег, он пришел к выводу, что ни одна из существующих теорий денег, ни товарная теория денег Тука-Маркса, ни количественная теория, полнее всего развитая Ирвингом Фишером, не дает удовлетворительного разрешения проблемы.

И тем не менее есть элемент истины как в той, так и другой теории. Деньги— явление всецело социальное, результат стихийных народно-хозяйственных процессов. Количество денег — фактор относительно второстепенный. Количественная теория денег могла бы найти свое применение полностью исключительно в сфере бумажного

---

[1]) См. «Бумажные деньги и металл.». Петроград, 1917 г.

обращения. В отношении к этой ограниченной сфере обращения она безусловно верна, и в этом смысле в ней есть элемент истины. Что же касается основы денежного обращения—металлических денег—то объяснение проблемы ценности денег нужно искать на стороне товарного рынка, и в этом прав был Тук. Однако ценность денег, вопреки Туку, представляется не функцией цен отдельных товаров, а функцией состояния общей экономической конъюнктуры и ее циклических колебаний. Это—основной тезис теории денег М. И.,—теории, которую он назвал конъюнктурной. Но, выставив этот в высшей степени оригинальный тезис, М. И., к сожалению, не дал последовательного развития и обоснования его, не вскрыл механизма связи между колебаниями конъюнктуры и ценностью денег.

Впрочем, до некоторой степени этот пробел восполняют более ранние и, несомненно, выдающиеся по своему научному значению исследования его в области конъюнктуры: мы разумеем его теорию рынков и кризисов. Нет сомнения, что эти более ранние исследования и дали исходную точку зрения для позднейшего построения им только что охарактеризованной конъюнктурной теории денег. Таким образом мы естественно подходим к учению М. И. о рынке и кризисах.

8.

Рынок при капиталистическом строе представляется как бы центральным узлом, где переплетаются сложные нити экономических отношений и стихийно подводятся итоги экономической деятельности отдельных хозяйств и предприятий. Характерной чертой капитализма служит то, что он порождает тенденцию к преобладанию предложения над спросом, откуда вырастает погоня за рынками, борьба за них. Найти рынки для товаров, реализовать товары—это сложная задача капиталистического предприятия. Уяснить природу этих затруднений, механику рыночных отношений и пути, какими капитализм выходит из упомянутых затруднений — это задача теории капиталистического хозяйства.

М. И. подходит к проблеме рынка, прежде всего пользуясь методом схематического рассмотрения народного хозяйства, как целого—методом, начатки которого можно видеть уже у Кенэ, а дальнейшее развитие у Маркса [1]). И такое схематическое рассмотрение приводит его к ряду следующих оригинальных выводов. Размеры рынка товарно-капиталистического хозяйства отнюдь не определяются размерами

---

[1]) См. «Период. пром. кризисы», ч. II, глава IV.

общественного потребления, ибо общественный продукт состоит не только из предметов потребления, но также и из средств производства. Поэтому проблема рынка, проблема реализации товаров упирается не в размеры общественного потребления, а в пропорциональность распределения производства по отраслям. При пропорциональном распределении производства никакое сокращение потребительного спроса не в состоянии вызвать превышения общего предложения над спросом, и нет никаких препятствий для победного развития капитализма.

Всякий сбыт товаров на рынке является одновременно и покупкой; всякое предложение товаров — спросом на них. Поэтому в товарно-капиталистическом строе хозяйства, принципиально говоря, размеры рынка при пропорциональном распределении производства определяются размерами самого производства. Отсюда ясно, что в товарно-капиталистическом строе производство существует как бы само для себя: производство ради производства. Спрашивается, откуда вытекают эти парадоксальные черты товарно-капиталистического строя и капиталистического рынка. Они вытекают из самой сущности этого строя.

Капитализм—антагонистическая система народного хозяйства. И если при товарном строе хозяйства товар как бы одухотворяется, становится повелителем человека,

в чем и состоит фетишизм товарного хозяйства, то капитализм делает самого человека вещью. На этой почве и создается упомянутый парадокс капиталистического строя. Не потребление управляет производством, а производство определяет собой потребление, не производство ради потребления, а производство ради производства, ради наибольшей прибыли, не капитал для человека, а человек для капитала. Отсюда также и упомянутый выше фетишизм капиталистического строя хозяйства.

Итак, если капитализм в состоянии организовать более или менее пропорциональное распределение производства, то он может разрешить и проблему рынка, может развернуть скрытые в нем производительные потенции. Однако, капитализм с огромным трудом разрешает эту проблему пропорциорального распределения производства и далеко не всегда сохраняет такую пропорциональность. Он находится как бы в неустойчивом равновесии и его периодически поражают кризисы—специфическое явление развитого капиталистического строя. Почему же? Где причины кризисов и в чем их сущность? Ответ на эти вопросы М. И. пытался дать в своей теории кризисов [1]), которая базируется на его теории рынков. Капитализм,

---

[1]) См. ibid, ч. II, главы V—VI.

разбудив общественно-экономическую инициативу и создав возможность получения и увеличения прибыли, породил сильнейшую мотивацию для развития предпринимательской деятельности. Отсюда и проистекает одержимость капиталистического строя стремлением к расширению и развитию производства ради прибыли, отсюда быстрый темп развития производительных сил при нем и постоянное давление предложения на спрос. Но капитализм—строй неорганизованный, в основе своей стихийный. Отсюда его поиски и порой бессилие разрешить проблему пропорционального распределения производства, т. е. проблему рынка, отсюда необходимость кризисов. Итак, кризисы обусловливаются неспособностью капитализма, в силу органических особенностей его, сохранить всегда достаточно пропорциональное распределение производства. Отсутствие устойчиво-пропорционального распределения производства, как эластическая повязка, давит на устремления капиталистических сил к их развертыванию, вызывая моментами их острое потрясение. Это потрясение и переживается как кризис, *как состояние общего перепроизводства,* выражающееся в общем падении цен, понижении нормы прибыли, увеличении числа банкротств, сокращении производства и т. д. Таким образом кризис выступает перед нами, как состояние общего перепроизводства. Но

если верно то, что говорилось уже выше, если верно, что всякая продажа есть одновременно покупка, что, следовательно, всякий предлагаемый товар не только требует рынка, но и создает его,—то не таит ли понятие общего перепроизводства внутреннее противоречие в себе? Действительно, в простом товарном строе при отсутствии денег, возможно лишь частичное перепроизводство того или иного товара. В простом товарном строе при наличии денег, благодаря связанности всех цен, частичное перепроизводство может перейти в состояние общего перепроизводства: перепроизводство одного товара и падение цен на него может вызвать понижение цен других и в конечном счете всех или почти всех товаров; рынок будет переживать состояние как бы общего перепроизводства. В простом товарно-денежном строе такое общее перепроизводство возможно, но, однако, отнюдь не необходимо.

Так как здесь производство регулируется потребительным спросом общества и накопление капитала не является самоцелью, то оно столь же консервативно, как консервативен общественный спрос, и при устойчивости последнего производство лишь с трудом и главным образом под влиянием внешних сильных толчков теряет равновесие, а потеряв, снова и легко находит его.

Иную картину видим мы при капитализме. Отмеченный дух беспокойства и

погони за прибылью и накоплением ради их самих, свойственный капитализму, при отсутствии организованности и гармоничности этого режима, обусловливает здесь особую неустойчивость пропорционального распределения производства. Капитал постоянно давит на производство, форсирует его и порождает тенденцию к перепроизводству. Частичное перепроизводство в капиталистическом хозяйстве, в силу того же механизма связи цен, еще с большей легкостью, чем при товарно-денежном строе, превращается в общее. Но совершенно ясно, что перепроизводство возникает здесь *уже в силу внутренних органических причин*, связаных с самой природой капитализма. Перепроизводство, развиваясь, вызывает кризис и потрясение. Интенсивность этого потрясения усиливается здесь еще благодаря системе кредита, который в капиталистическом строе получил особенно широкое развитие.

Сказанное вскрывает органические причины и общий характер необходимости кризисов. Но кризисы повторяются периодически, и ход экономической конъюнктуры дает картину очень правильного ритма трех фазисов — подъема, кризиса и депрессии. Чтобы уяснить кризисы до конца, необходимо указать причины этого ритма, причины периодичности кризисов.

Всматриваясь в колебание цен на отдельные товары, легко видеть, что в

особо строгом соответствии с общим движением конъюнктуры находятся цены на железо, т. е. на основной вид сырья, идущего на создание новых средств производства, нового основного капитала. И понятно почему. Фазис подъема—это период прежде всего грюндерства, период строительства новых предприятий, новых железных дорог. Поэтому взрыв грюндерства дает прежде и рельефнее всего повышение цен именно на железо. Но грюндерство и оживление в основных отраслях производства вызывают оживление и в других отраслях народного хозяйства. Наступает общий подъем. Почему же этот подъем наступает периодически и заканчивается обязательно кризисом? Чтобы начался подъем и грюндерство, необходимо накопление свободных капиталов. Капитал накопляется не только в промышленности. Есть не мало таких общественных групп, доходы которых стоят вне зависимости от колебаний промышленно-капиталистической конъюнктуры: это получатели земельной ренты, держатели государственных бумаг, чиновники, пенсионеры. В период застоя большими и малыми долями здесь накопляются в итоге значительные капиталы, которые помещаются, обычно, в банки и которые, накопившись в достаточном размере, как пар в паровой машине приводит в движение поршень, приводят в движение и промышленность, вы-

зывают подъем ее,—прежде всего в основных отраслях. Но чем далее идет подъем, тем более исчерпывается свободный капитал. Повышается дисконтный процент. Прекращается повышательное движение биржевых курсов, разражается иногда, как предвестник общего промышленного кризиса, биржевой кризис, начинает давать трещины кредит, возникает паника, понижаются товарные цены, развивается общий кризис. Вот почему подъем неизбежно кончается крахом, за которым затем следует период депрессии. Но тогда начинается прежняя работа по накоплению капитала, начинают зарождаться признаки нового экономического подъема, и цикл движения конъюнктуры повторяется.

Теория рынков и, в особенности, теория кризисов, развитая М. И., настолько оригинально и глубоко ставила и решала проблему, настолько ярко вскрывала природу капиталистического народного хозяйства в его целом и настолько в общем подтверждалась действительностью, что по справедливости доставила ему мировую известность, создала в этом вопросе целую школу, к которой с теми или иными оговорками примкнули столь видные экономисты западных стран, как Шпитгоф, Эйленбург, Поле, Шмоллер, Лескюр [1]) и др.

[1]) См. Жан Лескюр. «Общие периодические промышленные кризисы». СПБ. 1908, стр. 435 и passim.

Она породила целую литературу за и против нее. Даже и противники ее, как В. Зомбарт, признали ее «чрезвычайным шагом вперед и, без сомнения, высшей формой теорий кризисов» [1]). Это не значит, конечно, что теория М. И. не вызывает никаких возражений и не требует усовершенствования. Наоборот, ее слабые стороны столь же бросаются в глаза, как бесспорно и ее огромное значение в экономической науке. Несомненно, прежде всего, что теории М. И. не достает ясности и точности в понятиях, которыми он оперирует, не достает достаточной строгости в установлении *необходимости* связи между явлениями, которые он рассматривает, что вообще является характерной чертой, как мы говорили, интуитивно - мыслящего ума. Далее, спорным представляется одно из самых основных положений теории кризисов М. И.,—это учение о накоплении какого-то *свободного, не помещенного* капитала: как будто такой капитал когда-либо бывает? Затем, теория рынков и кризисов М. И. предполагает замкнутое чисто капиталистическое народное хозяйство. Действительность же гораздо сложней. Очевидно, что здесь и открывается путь, и возникает необходимость для дальнейшего усовершенствования и усложнения его теории.

---

[1]) См. «Schriften des Vereins für Socialpolitik». Т. 113. «Verhandlungen der Generalversammlung im Hamburg». 1904.

Изучая ее, нетрудно видеть, что она сложилась под воздействием перекрещивающихся идей и прежде всего под воздействием теории Сэ—Рикардо, а также соответствующих учений Маркса—Энгельса. Но нет никакого сомнения, что основное значение для ее создания имел творческий талант ее автора, оплодотворенный внимательным изучением капиталистической действительности и, прежде всего, истории английских кризисов.

Выдвигая свою теорию рынков и кризисов, М. И. решительно порывал с прежними учениями, которые в большей или меньшей степени видели причины кризисов в несоответствии производства и потребления. Вместе с тем теория М. И. бросала новый свет на проблему развития и судеб капитализма.

Ниже мы увидим, что М. И. не сомневался в грядущем крушении капитализма. Однако, он не разделял учения о том, что капитализм может погибнуть естественной смертью, самопроизвольно. Он полагал, что учение о неизбежной самопроизвольной гибели капитализма не учитывает действительных законов его развития. В основе этого учения лежат два основных тезиса: 1) во-первых, учение о нарастающем хроническом недостатке рынка и, следовательно, о нарастающих непреодо-

[1]) «Теорет. основы марксизма», 195.

лимых для капиталистического строя препятствиях к развитию производительных сил и 2) во-вторых, учение о падении нормы прибыли по мере развития капитализма, учение о нарастающей хилости этого режима. М. И. отвергает оба эти тезиса. И вследствие этого он должен был признать, что «капитализм никогда не умрет естественной смертью» [1]), что он внутренне способен к непрерывному развитию. Правда, его будут потрясать кризисы. Но эти кризисы — не симптом приближающейся смерти, а лишь острое и болезненное средство самокорректирования пути развития со стороны капитализма.

9.

Как же представляется М. И. фактическое развитие капиталистического строя, и какие сферы жизни захватывает капитализм в своем развитии? Вопросу о развитии капитализма М. И. посвятил одну из самых лучших и ценных своих работ: мы говорим о «Русской фабрике». Это исследование имеет значение для уяснения путей развития как русского капитализма, так и капитализма вообще. Остановимся кратко на нем [1]).

---

[1]) См. «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Т. I, изд. 3.

Русская крупная промышленность и промышленный капитализм вырастают в специфических условиях. Они вырастают на базе относительно развитого уже и крупного торгового капитала и при деятельной поддержке и зависимости от правительства, начиная с Петра I. Зависимость от правительства падает лишь с начала XIX в. Крупная промышленность дореформенного времени—это вотчинная и поссессионная мануфактура, опирающаяся на несвободный труд, живущая в атмосфере напряженной борьбы дворянства и нарождающейся буржуазии. Дореформенная мануфактурная крупная промышленность не только не вытесняет кустаря, но часто порождает его, иногда вытесняется им. Уже во второй четверти первой половины XIX века вотчинно-поссессионная мануфактура — хиреет и разлагается; поссессионные рабочие в массе отпускаются на свободу. Падение крепостного права делает весь наемный труд свободным. Одновременно технический прогресс и расширение рынков дают более прочную базу для развития современной фабрики с ее механическими двигателями и массовым производством. Фабрика начинает быстро оттеснять кустаря и занимать все более и более господствующее положение. Но было бы ошибочно думать, что фабрика наносит быстрый и полный смертельный удар кустарю. Нет, отношения их более сложны.

Фабрика частью вытесняет его, частью модифицирует кустарное хозяйство, раздробляя его, частью даже порождает новые кустарные промыслы. Вот почему капитализм при всем своем победном шествии не в состоянии захватить быстро и исчерпывающе все отрасли промышленности. Однако, все же русская фабрика победно идет вперед, вплетая Россию все более и более в сеть мирового хозяйства.

Но это исследование М. И. о развитии капитализма ценно, повторяем, не только как исследование о развитии капитализма в России, со всеми его специфическими особенностями, но и как исследование о развитии капитализма вообще. И это исследование приводит прежде всего к тому заключению, что на определенной ступени исторического развития, по мере того, как совершенствуется техника и создаются более свободные правовые условия, по мере того, как растет экономическая свобода и конкуренция, по мере того, как увеличивается внутренний и внешний рынок и становятся более живыми торговые связи,—в стране образуются капиталистические отношения и растет капитализм; рост его в свою очередь ускоряет технический и правовой прогресс общества.

Однако, не только в силу создающихся условий *внутреннего* развития идет рост капитализма в стране. Нет. В других работах М. И. отмечает и иные факторы этого

развития. Благодаря тому, что молодые и менее капиталистические страны дают возможность получения более высокой нормы прибыли, происходит международное передвижение капитала, происходит иммиграция капитала из развитых стран в страны молодой культуры, и тем самым форсируется экстенсивно-пространственный рост капитализма [1]).

Другой общий вывод, к которому приводит М. И. его исследование развития капитализма в «Русской фабрике» и др. работах, состоит в том, что капитализм в своем победном шествии не в состоянии овладеть всем народным хозяйством. Поскольку фабрика обречена на длительное сосуществование—и на Западе даже более, чем в России—с ремесленником и кустарем, поскольку далеко не всю ремесленно-кустарную промышленность можно считать капиталистической, постольку капитализм не в состоянии всецело овладеть даже сферой промышленности [2]).

Еще менее у него возможности овладеть сельским хозяйством. Здесь, в силу целого ряда специфических (и, нужно думать, хорошо известных) условий, мелкое трудовое хозяйство оказывается даже более живучим, чем крупно-капиталистическое [3]).

---

1) См. «Основы», стр. 514.

2) См. «Социализм как положительное учение», 112 и сл. «Основы», отд. II, гл. IV и V.

3) Idid, отд. II, гл. VII.

Не может капитализм всецело овладеть народным хозяйством также и потому, что в недрах товарно-капиталистического хозяйства, на почве его и под его воздействием, возникают новые формы хозяйства, которые враждебны капитализму, но которые обладают огромной силой социально-экономической живучести и возможности развития. Это кооперативные формы хозяйства.

10.

Кооперативное движение в особенности останавливало на себе внимание М. И., и его работы по вопросам кооперации, несомненно, нужно признать выдающимися, одними из лучших не только у нас в России. Кооперация зарождается в недрах товарно-капиталистического общества. Она ставит своей задачей защиту интересов объединяемых ею трудящихся масс. Она борется за эти интересы теми же методами, теми же средствами, какими борется и любое хозяйственное предприятие, — методами конкуренции. В этом смысле она плоть от плоти современного строя. Кооператив — хозяйственное предприятие. И тем не менее душа кооперации устремлена в будущее, к лучшему, к идеальному строю хозяйства. Кооперативы в основе и массе своей не капиталистические хозяйственные предприятия,

они не имеют в виду получение наибольшей прибыли. Они стремятся лишь охранять трудовой доход своих членов, они опираются в основе не на эксплоатацию, а на объединение трудящихся. Отсюда вытекает определение кооператива: «кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение, благодаря общему ведению хозяйства, трудовых доходов своих членов или уменьшение их расходов на потребительные нужды» [1]). Реальное кооперативное движение—движение классовое. По характеру защищаемых им классовых интересов оно может быть разделено на пролетарское, крестьянское и мелкобуржуазное. Но именно потому, что кооперация есть сознательное и свободное объединение трудящихся масс на почве их борьбы за свои интересы в виде организованного протеста против попрания этих интересов капиталистическим строем, кооперативное движение в основе своей проникнуто известным воодушевлением и идеализмом, являясь мощным потоком современного общественного идеализма в целом и, в конечном счете, преодолевая замкнуто-узкий круг классовых интересов, на базе которых оно зарождается.

---

[1]) См. Социальные основы кооперации, изд. 2 и «К лучшему будущему», отд. II.

II.

Итак, капитализм не овладел и не может овладеть всем строем народного хозяйства. Но все же капитализм является центральным, наиболее ярким и мощным явлением современного народного хозяйства. В отношении развития производительных сил, в отношении развития материальной, экономической и духовной культуры общества он явился прогрессивным фактором по сравнению с другими, более отсталыми формами хозяйства. Но, будучи таковым, капиталистический строй не является концом общественного развития, его завершением. Он не является совершенством ни с моральной, ни с социально-экономической точки зрения. Наоборот, в капитализме, как в фокусе современного социально-экономического режима, собраны все недостатки этого режима, основанного на началах частной собственности, экономической анархии и эксплоатации.

Вот почему современное капиталистическое общество подвергается самой резкой критике М. И. Современный социально-экономический режим, явившись в свое время прогрессивным фактором, чем далее, тем более становится фактором регрессивным, начинает все более задерживать рост производительных сил и развитие материальной и духовной культуры. Эта за-

держка объясняется тем, что орудия и средства производства находятся в частном произвольном обладании, что сохраняются отсталые, почему-либо приспособившиеся формы хозяйства; объясняется также тем, что при неорганизованности капиталистического народного хозяйства неизбежные затруднения в сбыте тормозят прогресс производства и вызывают кризисы; тем, что, опираясь на наемный труд, современный режим убивает в массах стимулы к повышению прозводительности труда; объясняется, наконец, тем, что, сосредоточив богатства в руках немногих, капитализм приводит к «гибели талантов», которые появляются и не могут не появляться среди неимуших масс, но погибают среди нищеты и мрака этих масс [1]).

Современный социально-экономический режим, создавая массу ненужных трений и растрату общественных сил, в силу этого далек от совершенства. Но мы видели, что он располагает всеми данными, чтобы, несмотря на это, существовать, чтобы, несмотря на это, развиваться.

Естественной смертью он умереть не может,—«ему может быть нанесен смертельный удар лишь мыслью и волей человека» [2]). И такой удар должен быть и будет нанесен, ибо в капитализме есть основной и

---

[1]) См. «Социализм, как положит. учен.», гл. X.
[2]) «Теоретическ. основы марксизма», стр. 195.

органически глубокий порок противоречия. Это противоречие в том, что капитализм, обращая человеческую личность в средство, в раба вещей, в то же время ведет к распространению и укреплению общественно-морального сознания, *признающего личность верховной ценностью общественной жизни* [1]). На почве этого глубочайшего противоречия неминуемо должно возрастать массовое недовольство и разочарование в настоящем и устремление в будущее, к социальному идеалу; должна возрастать организация и организованное сознательное стремление изменить настоящее во имя будущего.

Такие попытки, такие стремления мы в действительности и наблюдаем. Мы наблюдаем их в форме борьбы униженных и обездоленных масс и передовых людей общества за лучшее будущее. Это—профессиональное движение пролетариата, движение крестьянства к изменению и улучшению его земельных и иных социальных отношений, это кооперативное движение, это, наконец, политическая борьба.

---

[1]) Там же, стр. 194.

12.

Таким образом, мы встречаем у М. И. не только теоретический анализ различных социально-экономических проблем, но и критику существующего социально-экономического строя. Эта критика вводит нас непосредственно в сферу идеологических воззрений М. И. Причем, под ними мы понимаем, с одной стороны, его воззрения на социальный идеал, с другой - его взляды на задачи текущей и очередной социально-экономической политики.

Определенное понимание социального идеала лежит у М. И. собственно уже и в основе его критики существующего социально-экономического режима: эта критика в основе своей, безусловно, уже ведется с точки зрения определенного социального идеала. С другой стороны, как мы увидим, характер его социального идеализма в значительной мере определяет его взгляды и на задачи текущей экономической политики. В значительной мере, но не вполне, так как эти взгляды обусловливаются всегда и у всех не только представлением об идеале, но также и характером теоретического понимания и анализа различных социально-экономических проблем.

Какой же общественный идеал должен быть руководящим светочем, корректирую-

щим наш путь в социальной борьбе за будущее? Первоначально М. И. был склонен признавать за социальный идеал — идеал социалистический и принимать социалистическое общество будущего, как идеал.

«Действительно, — писал он даже в 1906 г.,—какой другой общественный идеал может вдохновлять в наше время людей?» [1]). Таким вдохновляющим и высшим общественным идеалом ему казался, повторяем, идеал социалистический. И «социализм, как учение, для М. И., есть учение прежде всего о новом социальном идеале» [2]). Он определяет социалистический строй, «как такое хозяйственное устройство общества, при котором, благодаря равной обязанности и равному праву всех участвовать в общественном труде и таковому же праву всех участвовать в пользовании плодами этого труда, невозможна эксплоатация одних членов общества другими» [3]). Из этого определения может показаться, что М. И. сводит социализм исключительно к хозяйственному переустройству общества, к уничтожению хозяйственного неравенства и хозяйственной эксплоатации. Однако это не так. Признавая за хозяйством примат среди других социальных явлений, М. И. в действительности думал, что со-

[1]) См. «Современный социализм», стр. 42.
[2]) Ibid, стр. 13.
[3]) Ibid, стр. 18—19.

циалистическое переустройство экономического строя общества явится лишь отправным пунктом для социалистического переустройства и всей духовной культуры общества, для расцвета этой духовной культуры, для развития гармонической человеческой личности. «Мне кажется,—писал он,—что можно составить себе представление о строе интересов людей социалистического общества по описаниям жизни итальянских городов эпохи Возрождения. Светлое, радостное и гармоничное миросозерцание этой эпохи, со своим глубоким и захватывающим интересом к искусству и познанию, должно вновь возродиться в будущем. Опять появятся люди той поразительной душевной красоты и той умственной мощи, которые характеризуют эту чудную раннюю весну современной истории, люди вроде Леонардо да-Винчи или Микель Анджело,—люди, перед которыми наше время кажется таким грубым, варварским и жалким» [1]). Поэтому «социалисты верят, что жизнь станет благоуханна и интересна... Им рисуется в голубой дали лучезарная, чудная страна, и они верят, что социализм откроет к ней двери» [2]). Итак, социалистический строй будущего рисуется М. И., как идеальный и блаженный строй, как «земной рай». Это первая и

[1]) Ibid, стр. 29—30.
[2]) Ibid, стр. 259.

характерная черта в первоначальных представлениях М. И. о социальном идеале. Вместе с тем М. И. в это время твердо убежден, что социализм—не мечта, не простое вожделение. «Нет, социалистическая вера покоится на вполне научных и реальных основаниях. Социализм неизбежен...» [1]). Это вторая характерная черта его представлений о социальном идеале.

М. И. полагает, далее, что в основе социалистической культуры будут лежать принципы свободы, равенства и братства. «Но из этой триады для социализма особенно важен второй принцип, равенства, который и является идейным корнем всего социализма» [2]). Обоснования этого основного принципа М. И. ищет уже тогда на путях Кантовой философии, в идее верховной ценности человеческой личности.

Мы остановились на этих представлениях М. И. о социальном идеале потому, что они характерны для его первоначальных построений в этой области. Это было в период его увлечения марксизмом, точнее, в период начала отхода от марксизма. И отходя от марксизма, М. И. уже сложнее понимает социализм. Как мы видели выше, он уже ищет этического обоснования социализма, он понимает его, далее, как синтез индивидуализма и коллективизма, он

---

[1]) Ibid, стр. 258.
[2]) Ibid, стр. 14 и сл.

сознает свое родство с идеализмом социалистов-утопистов.

Но отпечаток первоначальных идей у М. И. в это время еще силен. Социалистическое общество все же рисуется ему, как идеал, и притом в конечных перспективах; в числе основных принципов его он еще особенно подчеркивает принцип равенства.

С течением времени, с уклоном М. И. все более и более в сторону идеализма, наметился чрезвычайно интересный сдвиг и в его представлениях как о самом идеале, так и о социализме. Этот сдвиг, правда, не вполне закончился. Но он достаточно вырисовался. И предсмертные работы М. И. дают возможность охарактеризовать сущность сдвига.

Сам идеал все более начинает рисоваться М. И., как некоторая абсолютная и высшая ценность. «Ведь сущность идеала, писал он в одной из последних своих статей, в том-то и заключается, что идеал есть некоторый абсолют... Идеал есть верховная ценность, на которой основываются и из которой исходят низшие ценности, но выше которой ничего нет и быть не может» [1]).

Но если это так, то и в обосновании и аргументации идеала, очевидно, необходимо ориентироваться на какой-то также

[1]) О кооперативном идеале. Стат. в Вестнике кооперативных союзов. 1918 г., вып. 1, стр. 6.

абсолютной исходной ценности. Такой ценностью М. И. более отчетливо, чем ранее, признает теперь человеческую личность в духе «критики практического разума» Канта и мировоззрения Достоевского. Проводя эту идею последовательнее, чем когда либо, он меняет теперь свое отношение к вопросу об иерархии принципов свободы, равенства и братства, как основ идеальной культуры. «Высшая цель общественного союза, и социальный идеал,—пишет он теперь,—отнюдь не заключается в наибольшем равенстве всех членов общественного союза... Неравенство есть несомненное социальное зло, но устранение зла есть лишь первый шаг в направлении к социальному идеалу. Социальным же идеалом является *не социальное равенство, а социальная свобода. Общество совершенно свободных людей—вот конечная цель общественного прогресса»* [1]).

Итак, основным содержанием социального идеала является для М. И. уже принцип свободы, и здесь он делает уклон к новейшим утонченным учениям анархизма неокантианского направления в духе идей Штаммлера.

Выдвигая принцип свободы, как основу содержания социального идеала, М. И. вместе с тем отказывается понимать идеал,

[1]) Социализм, как положительное учение, стр. 83. (Курсив наш. Н. К.).

как законченную гармонию, как «земной рай». «Конечно,—пишет он теперь,—было бы наивно думать—а в этом повинны многие социалисты—что социализм создаст «рай на земле», всеобщее счастье и довольство, общую гармонию. Ничего подобного не будет... Страдание никогда не исчезнет из человеческой жизни. Не исчезнет потому, что никогда не получит гармоничного завершения основное противоречие человеческой жизни—противоречие между беспредельностью стремлений нашего духа и ограниченностью наших сил и нашего личного существования» [1]).

Но если так, то социальный идеал, как конечная цель и абсолют, рисуются ему, очевидно, уже не в конечных перспективах, а в перспективах бесконечного развития.

Склоняясь к такой конструкции социального идеала, М. И. должен был установить иное отношение и к социализму и ко всякому другому *фактически данному или предполагаемому конкретному социальному режиму*. Социализм, как общественный строй, сам по себе не идеал. «Цели социализма сравнительно близки и ограничены» [2]). Социалистический строй сам по себе подлежит еще расценке с точки зрения социального идеала.

В связи с этим социалистическое устрой-

---

[1]) Ibid, стр. 133.
[2]) Ibid, стр. 133.

ство общества рисуется ему при наличии соответствующих необходимых условий и предпосылок только как прогрессивный этап общественного развития, — этап, который в зависимости от типа своего устройства может лишь более или менее приближать нас к идеалу. М. И. делит социализм на ряд видов:

А. Социализм в узком смысле:

1) Государственный социализм
2) Коммунальный »
3) Синдикальный »
4) Анархический »

В. Коммунизм.

1) Государственный коммунизм
2) Коммунальный »
3) Анархический »

Какой из этих видов социалистического общества нужно признать желательным и более всего приближающим нас к общественному идеалу? В идее — таковым является, несомненно, анархический коммунизм. И если ранее, еще в 1906 г., М. И. посвятил целый ряд красочных страниц доказательству призрачности анархизма вообще [1]), то теперь он считает в идее наиболее высокой и желательной самую крайнюю форму анархизма и не видит никаких органических препятствий для его осуществления, — правда в результате длительного и постепенного развития [2]).

---

[1]) См. Соврем. социализм, стр. 193—206.

[2]) Социал., как положит. учение, стр. 96—98.

С точки же зрения ближайших возможностей и конкретного пути осуществления социализма он мыслит себе путь сочетания различных видов его соответственно с конкретными условиями места, времени и уровня развития культуры личности и общества.

Разные виды социализма предполагают разную степень централизации и принуждения по отношению к личности, разные возможности организации хозяйства. И если конечным этапом развития является идеал абсолютной свободы, то конкретное социалистическое общество должно строиться в соответствии с тем, как высок данный уровень культуры общества, как высоко развитие личности. Конкретно принимаемое и осуществляемое устройство социалистического общества должно дать *в данных условиях* максимум свободы для творчества личности, но так, чтобы это не превысило силы и способности личности воспользоваться во благо этой свободой, так, чтобы это не повело к распаду общества, не привело к деградации его производительных сил и культуры. Поэтому, конкретное социалистическое общество по своему устройству неизбежно будет сложным и в разных своих частях должно быть организовано по принципам различных типов социализма. Несомненно, однако, что в первую очередь и в основу социалистического общества ляжет централистический

коллективизм, как наиболее соответствующая достигнутому уровню культуры система. Главнейшая организующая роль при нем падет на государство,—правда, преображенное, правда, лишенное миазмов, присущих ему при капитализме [1]).

В связи с происшедшими изменениями в представлениях М. И. о социальном идеале и социализме изменились, в частности, и его взгляды на отношение кооперации к социальному идеалу.

Первоначально М. И. был склонен рассматривать кооперацию просто как путь к социализму в смысле централистического коллективизма. Теперь он существенно изменил эту свою точку зрения и решительно признал, что кооперация далеко не просто путь к социализму. Нет, она кладет основание для социализма самого высшего типа — для анархического социализма,—и в этом смысле кооперативная организация общества стоит значительно выше организации его по типу централистического коллективизма. Централистический коллективизм, уничтожая эксплоатацию и неравенство современного строя, все же предполагает принуждение над личностью—пусть принуждение большинства над меньшинством, но все же принуждение. Кооперативная организация не имеет в себе и этого принуждения, ибо всякий, не же-

[1]) Ibid, гл. VIII.

лающий мириться с мнением большинства, может свободно выйти из кооператива. Итак, кооперация в недрах своих несет одну из высших форм социализма и значительно приближает нас к идеалу свободного общества. Это, правда, не относится к тех видам кооперативов, которые основаны на наемном труде. Но такие кооперативы не могут и найти себе места в социалистическом обществе. Что же касается других видов кооперативных организаций, то о них нужно сказать существенно иное. Если социалистическое общество в первое время будет организовано в основе своей по типу централистического коллективизма, если значительнейшие отрасли труда будут организованы все же на началах принуждения,—правда, не со стороны частных лиц, а государства,—то необходимо оставить простор и для свободного кооперированного труда, необходимо оставить простор для трудовых производительных артелей в промышленности и для земледельческих кооперативных общин, которые будут обязаны доставлять государству лишь установленное им количество продуктов и будут иметь право получать в свое распоряжение остальную часть продуктов.

Мы не будем входить в подробности возможной организации социалистического общества, как оно рисуется М. И. Заметим лишь в заключение следующее. М. И. приветствовал социализм *в силу его прогрес-*

сивного значения, в силу того, что он приближает нас к высокому общественному идеалу общества свободных людей.

Правильно понятый и осуществленный в соответствующей обстановке социализм ведет, - верит М. И.,—к расцвету личности, к обогащению и развитию духовной и материальной культуры [1]). Но даже и такой социализм,—по мнению М. И.,—как мы уже видели, никогда не создаст «рай на земле», всеобщее счастье, довольство. Никогда, потому что вечно страдание наше, потому что неустранимы источники нашей скорби. Страдание и скорбь могут изменить свою форму, стать возвышеннее и чище, но они останутся, останется личность в ее томлении по идеалу.

«В этом--вечная основа религии»,—говорит М. И. на последней странице одной из последних предсмертных работ [2]).

Итак, красной нитью чрез все идеологическое воззрение М. И. проходит его идеализм, в основе которого лежит идея верховной ценности человеческой личности. Теперь мы видим, что идеализм М. И. имеет еще более глубокие источники. И он сам прекрасно сознавал, что идея верховной ценности человеческой личности приводит его с одной стороны к идее человечества, с другой—к идее Бога [3]).

---

[1]) Там же, гл. X и XI.
[2]) Там же, стр. 133.
[3]) См. «Три великих этических проблемы»

Так замыкается круг изложенных учений М. И. Мы начали систематический анализ его научно-идеологического мировоззрения с наиболее отвлеченных и далеких от практической жизни и морали проблем метода. И там мы столкнулись с нравственным принципом, с идеей верховной ценности человеческой личности. Пройдя чрез ряд важнейших научных построений М. И., мы последовательно подошли к его учению о социальном идеале, в основе которого вырисовывается во всей своей яркости та же нравственная идея, которая, замыкая круг теоретических учений и социально-этических идей, в то же время повелительно указывает пути к глубинам религиозного сознания человека. В этой области, в области нравственно-идеалистических воззрений своих, М. И. стоит под обаянием идей Канта и Достоевского. Вместе с ними из глубин своего сознания он выдвигает идею личности и связанную с ней идею свободы, как руководящие принципы социального идеализма.

Таковы в общих чертах настроения Т.-Б. в области представлений об общественном идеале. Тщательный анализ этих представлений показал бы, что́ в них спорно и не ясно. Однако, мы не можем, в данной связи, заняться таким анализом.

(Нравственное мировоззрение Достоевского) в сборнике «К лучшему будущему».

Общие контуры учений М. И. об идеале представляются достаточно определенными выше.

Общество свободно ходящих людей стоит перед ним, как отдаленный и не меркнущий социальный идеал, освещая путь социальной борьбы и строительства. Социализм должен стать грядущим и крупным этапом по пути к этому идеалу.

13.

Но как ни близок, как ни возможен социализм, как «ни ограничены его задачи», все же он лежит в будущем, все же его еще нет и достижение его требует огромных усилий творческой силы человечества, предполагает целую лестницу восходящих ступеней организации наших сил. В каком направлении должны итти наши конкретные усилия в условиях капитализма? Этот вопрос приводит нас к проблемам текущей экономической политики. Мы не можем входить в подробное рассмотрение взглядов, высказанных М. И. в различных случаях и работах по вопросам социально-экономической политики и, в частности, политики России. Но несомненно, что эта сторона воззрений М. И., как мы уже говорили, всецело определяется с одной стороны его пониманием социального идеала, с другой—его теоретическими

взглядами в соответствующих областях социально-экономических проблем. Остановимся лишь на характеристике общего духа некоторых важнейших взглядов М. И. в области вопросов социальной политики.

Мы уже говорили, что важнейшими областями социально-экономической жизни, где нарождается протест против отрицательных условий социально-капиталистической действительности, где создается устремление к лучшему будущему, М. И. считает профессиональное рабочее движение, движение крестьянства к улучшению аграрных отношений и кооперативное движение.

Выдвигая идею верховной ценности человеческой личности, М. И., как и нужно ожидать, стоит всецело на стороне трудящихся масс, защищает пути улучшения быта масс, поскольку эти пути находят оправдание и в его теоретических взглядах.

В частности, в профессиональном рабочем движении он видит рациональный путь укрепления силы рабочего класса, средство, ведущее к более благоприятному для пролетариата распределению национального дохода в капиталистическом обществе.

Это положение непосредственно вытекает из его теории распределения. Профессиональное движение ведет к улучшению положения рабочего класса и условий его труда. Способствуя социальному

подъему пролетарских масс, профессиональное движение является прогрессивным фактором общественного развития. И потому М. И. горячо стоит за политику социального законодательства в духе, благоприятствующем организации профессионального движения и закреплению его завоеваний.

Нечто аналогичное *по направлению* находим мы и в воззрениях М. И. на аграрный вопрос. Теоретический анализ, как мы видели, привел его к заключению, что крестьянское хозяйство обладает огромной силой социальной устойчивости. Но крестьянское хозяйство находилось в тяжелых экономических и правовых условиях, особенно в России. На этой почве и возникает сложный аграрный вопрос, вопрос об улучшении условий существования мелкого крестьянского хозяйства. И с точки зрения защиты интересов трудящихся, с точки зрения прогрессивного общественного развития, М. И. полагает, что необходимо стремиться разрешить аграрный вопрос. На Западе и в России он носит различное содержание. Если в передовых странах замечается опустение деревни и бегство в города, то в России, наоборот, замечается рост относительной земельной тесноты, и аграрный вопрос есть прежде всего земельный вопрос. М. И. высказывается определенно за разрешение аграрного вопроса в интересах крестьян-

ского хозяйства для России. Он высказывается за национализацию земли путем принудительного выкупа земли сверх известной нормы (ему казалось, в среднем сверх 50 десятин), за образование национального земельного фонда и за передачу земли чрез посредство местных земельных комиссий, в соответствии с нуждой, малоземельному населению на началах вечнонаследственного арендного пользования; в связи с этим он высказывается и за ряд других мер: переселение, регулирование земельного оборота и т. д. [1]).

После февральской революции 1917 г. мысль М. И. по вопросам земельной политики принимает новый оттенок. Его поражает грандиозность предстоящей земельной реформы. И он берет за исходную точку, что реформа эта пройдет под флагом «права всех на землю». Но как понимать это право? Не могут же все члены общества фактически обрабатывать землю. В чем же состоит право на землю неземледельческой части населения? В том, что они имеют право требования, чтобы земля обрабатывалась земледельцами лучше, чтобы с реформой не пали производительные силы сельского хозяйства, и чтобы благодаря этому неземледельческое население было достаточно снабжено продуктами сельского хозяйства.

---

[1]) См. «Земельная реформа», 1905 г.

М. И., однако, страшится за судьбы нашей земельной реформы и ищет сил, которые поддержали бы производительность крестьянского хозяйства. Такие силы он видит прежде всего в развитии крестьянской кооперации [1]).

Последняя мысль, а также и вообще его понимание кооперации, о чем говорилось выше, объясняет, почему М. И. так сочувственно относится к кооперативному движению, почему он является горячим сторонником развития кооперации. Но усматривая в ней прогрессивный фактор общественного раззития и требуя законодательства, освобождающаго путь роста кооперации, М. И. оставался сторонником кооперации живой, самодеятельной, он стоял против излишней государственной опеки по отношению к кооперативному движению.

14.

На этом мы закончим анализ научно-идеологических воззрений М. И. Трудно, почти невозможно в данной связи и на столь близком расстоянии от его смерти дать исчерпывающую оценку их. И потому мы ограничимся самыми общими и суммарными замечаниями, желая охарактеризовать лишь то место, которое его идеи, по нашему

[1]) См. «Социальные основы кооперации», изд. 3, отд. III, глава VIII. «Русская земельная реформа и кооперация».

убеждению, должны занять в сумме научно-идеологической общественной мысли.

Воззрения М. И. выросли, как уже отмечалось выше, не только на почве воздействия окружающей, современной ему общественной среды, но и на почве воздействия на него научно-идеологических построений прошлых времен. Учения Маркса и Рикардо, австрийской школы и школы Виндельбанда-Риккерта, идеи Канта и Достоевского являются в этом отношении определяющими. Меньшее и частичное значение имеют идеи Кенэ, Уорда, Фулье и другие. Но М. И. в конце концов не был односторонним последователем—учеником какого либо из упомянутых учений. Из них он исходил, но как творческий ум и талант, он стремился итти [1])—и действительно шел—вперед, через них, дальше их, привнося многое свое. Этим и обусловливается то видное место, которое М. И. должен занять в истории развития общественной мысли.

В научно-идеологических построениях М. И. несомненно не мало спорного, неоригинального. Но на-ряду с этим в них есть также не мало идей и построений, которые уже усвоены или будут, с теми или иными модификациями, усвоены научно-идеологической общественной мыслью. Сюда отно-

---

[1]) См. «Кант и Маркс», статья в сборнике «К лучшему будущему».

сятся его исследования в области теории рынков и кризисов, в области развития капитализма и теории распределения, сюда относятся его исследования о социализме и кооперации. Многие из этих идей не только надолго переживут его у нас в России, но и на Западе.

Последняя мысль позволяет нам подойти к оценке значения М. И. еще и с другой стороны. Нам хотелось бы решительно и определенно подчеркнуть значение его, *как русского ученого в области экономической теории, имеющего одновременно мировое имя*. Западная мысль не считалась с развитием экономической теории в России, чего нельзя сказать по отношению к другим отраслям нашей науки и культуры. Можно смело утверждать, что М. И. в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке Европы, в России. Мы это видели выше, и это обусловливает *национальное* значение М. И. Он стал не только в уровень с эпохой, не только в уровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он содействовал прогрессу ее, и в силу этого он больше, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую науку в ряд с европейской. Мощь нации определяется в различных отраслях жизни далеко не только и даже не столько ее физическими силами, но в значительной мере ее

духовными силами. С этой точки зрения М. И. является симптомом нарастающей мощи русской экономической мысли и фактором ее. Если Россия уже дала миру так много в области искусства, музыки художественной литературы, некоторых отраслей знания, то в области экономической науки она почти еще только выступает на историческую сцену.

Национальное значение М. И., впрочем, определяется не только этим. Оно определяется также тем, что в самом изучении и анализе различных, даже самых общих, вопросов мы находим у М. И. черты, особенно близкие нам, русским. Анализируя проблемы, даже в их общих основах, он сплошь и рядом оттеняет те особенности, которые приобретают эти проблемы в условиях русской действительности, он ориентирует их и на материале русской жизни. Сюда относится и его учение о развитии капитализма и о судьбах мелкой докапиталистической промышленности, сюда относится его учение о мелком трудовом и крупно-капиталистическом сельском хозяйстве, о кооперации и социализме. М. И. был чужд духа национальной замкнутости. Горизонт его был шире. Но тем рельефнее обозначается его характер и значение как *русского ученого экономиста.*

Значение М. И. лежит, наконец, в том, что он своим интересом к теоретическим

проблемам и к вопросам социального идеала, своими постоянными исканиями и красочными, часто вдохновенными, сочинениями постоянно будил русскую мысль, в особенности мысль молодых поколений. В этом отношении влияние М. И. было огромно. Он не создал и не мог создать целой «школы»: он был слишком европейски образованный экономист - ученый, чтобы замкнуться в рамках собственной застывшей системы и отдаться умственному покою; он был слишком интуитивный и развивающийся ум, чтобы почить на раз принятых построениях. М. И. не создал «школы», но ни одна школа не избежит и не может избежать влияния его идей.

15.

Таков облик и значение М. И., поскольку мы рассматриваем его как личность и как представителя научно-идеологической мысли. Но М. И. был не только исследователь и не только идеолог. Он был и общественный практический деятель. Общественная деятельность М. И., ее направление и характер стоит в теснейшей зависимости от духовного уклада его личности и научно-идеологического миро-

воззрения. Основной отраслью общественной деятельности М. И. нужно признать его профессорско-педагогическую деятельность. Не только своими книгами, но и словом с кафедры М. И. стремился содействовать воспитанию и прогрессу русского общества.

Он начал чтение лекций по политической экономии с 1895 г., в качестве приват-доцента Петроградского университета. Но в 1899 г. он был уволен министром народного просвещения, как неблагонадежный. 1905 г. возвращает его в Петроградский университет снова в качестве приват-доцента. С уходом профессора Георгиевского, М. И. был избран в 1913 г. профессором политической экономии Петроградского университета, но не был утвержден министром Кассо. В это время автономия университетов урезывается, выборное начало профессоров сводится на нет, и торжествует система назначений. В 1915 г., М. И. с болью в душе покидает университет. После революции 1917 г. М. И. снова был избран профессором Петроградского университета, но читать ему, как профессору, в Петроградском университете так и не пришлось: осенью 1917 г. он уехал на Украину, и ему не суждено было более вернуться для работы в Петроград.

Таким образом, в Петроградском университете, в который так стремился М. И., фактически он почти все время находился

в лагере гонимых, в группе неблагонадежных.

Однако, в то же время М. И. был профессором политической экономии на Петроградских Бестужевских курсах и с 1914 г. в Политехническом институте. Имея центром своей профессорской деятельности Петроград, М. И. с 1912—13 г. наездами читал лекции по кооперации также в Москве, в народном университете Шанявского. Когда в 1918 г. в Москве образовался Кооперативный институт, М. И. был избран в состав его ученого совета. Но тесно связавшись в это время с Украиной, М. И. отказался от работы в Московском Кооперативном институте.

Помимо своей педагогической деятельности в учебных заведениях, М. И. выступал также с многочисленными публичными лекциями и докладами в столице и провинции. Причем, началом этой формы его общественной работы были его блестящие выступления в Вольно-Экономическом Обществе, в 90-х годах, с докладами о развитии капитализма в России.

Как лектор и профессор, М. И. обладал чрезвычайно своеобразными чертами. Здесь развертывалась вся его субъективная, интуитивно-проникновенная натура. Он читал в большинстве случаев с огромным эмоциональным подъемом. Его мысли неслись стремительным потоком, и он как бы с волнением искал формы их выра-

жения. Отсюда его торопливая речь, отсюда то волнение, какое он вызывал в аудитории.

Менее всего М. И. склонен был читать лекции из года в год по раз принятому шаблону. Наоборот, он всегда чутко следил за интересами аудитории и общества. И он делал особенное ударение именно на тех проблемах, которые почему либо особенно волновали общество в данное время. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в своих лекциях по политической экономии он с особым вниманием останавливался то на проблемах социализма и кооперации, то на отвлеченно-теоретических вопросах.

Студенчество теснилось к его кафедре. М. И. находился с ним в очень тесной духовной связи. Этому способствовали в особенности кружки и семинарии, которые работали под его руководством. Можно с уверенностью сказать, что многие и многие, вспоминая свою студенческую жизнь в Петрограде, с большим вниманием и любовью вспомнят и ту напряженную умственную работу, интеллектуальный подъем и волнение, которые они пережили в упомянутых кружках. Достоинством этих кружков было то, что М. И. давал почти неограниченную свободу умственному творчеству молодежи. Он менее всего склонен был подавлять ее своим авторитетом и ученостью. Как

правило—свободный выбор тем, свободная трактовка их, свободная критика господствовали в кружках М. И. Вот почему там можно было слышать доклады и о теории ценности, и о теории ренты, а наряду с этим—доклады о природе социологии, как науки, о понятиях равенства и свободы, о социологии славы и т. д. Там можно было наблюдать напряженную борьбу направлений.

Впрочем, в этой почти абсолютной свободе скрывался и недостаток системы М. И. Предоставленная себе, молодая мысль недостаточно дисциплинировалась. Не видя суровой стойкости и последовательности в увлекающемся и духовно как бы столь же юном руководителе, как и она сама, мысль эта не концентрировалась. И вот почему так же у М. И. не выработалось и не создалось определенной школы.

Приходилось почти добиваться определенности в указаниях М. И., строгости его критики. Создавалось порой впечатление даже некоторой индифферентности его к юным терзаниям. М. И. представлялся иногда—что вытекало из характера его личности—человеком слишком самоуглубленным, рассеянным, как бы даже равнодушным. И нужно было разбить тонкий ледяной покров этого равнодушия, чтобы получить доступ к его душе. Но такие минуты бывали, и о них забыть трудно.

Другой важнейшей отраслью обществен-

но-практической деятельности М. И. было его участие в кооперативном движении. Высоко ценя и веря в кооперативное движение, М. И. насколько мог, стремился практически приблизиться к нему. В 1908 г. он был избран товарищем председателя, а в 1914 г., председателем Петроградского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах. С 1909 г. он становится бессменным редактором прекрасного и единственного в своем роде кооперативного журнала «Вестник Кооперации», где широко разрабатываются вопросы теории кооперации, и освещается практика кооперативного движения.

На первом свободном всероссийском кооперативном съезде в марте 1917 г. он был избран в президиум съезда. И когда на том же съезде был сформирован Совет Всероссийских Кооперативных Съездов, он вошел в состав Совета от северной области. Кооперативная среда, выдвигая М. И. на эти посты, ценила в нем исключительного по таланту идеолога кооперативного движения. Кооперативная масса с глубоким вниманием относилась к его мнению, как ученого.

Выступал М. И. и как публицист-писатель главным образом по социально-экономическим вопросам, принимая ближайшее участие в газете «Речь» и помещая иногда статьи в различных журналах: «Русское Богатство», «Вестник Европы» и др.

Были у него стремления, даже очень сильные, и к занятию политикой в узком смысле слова. Так, он стремился и хотел пройти в Государственную Думу, в 1912 г. даже выставил свою кандидатуру, если не ошибаемся, по списку кадет. Но в Госуд. Думе ему не суждено было быть. Одно время в 1915 — 16 г. он был избран гласным Петроградской думы, куда пошел, как он говорил, чтобы поддержать, по возможности, кооперацию. Отсюда, однако, видно, что его чисто политические выступления не отличались особым успехом. Не будучи создан политическим вождем по самому своему характеру, он не пользовался в этой области и особым влиянием.

Описываемая сторона жизни и деятельности М. И. представляет собой скорей картину неудач, некоторой личной трагедии. Несомненно желая быть в русле политической деятельности, он не мог это осуществить на практике. И в первую, и во вторую русскую революцию он остается несомненно в тени, оттолкнутый потоком движения от центрального русла. Это вызывало в нем, повидимому, глубокую внутреннюю неудовлетворенность. И как натура экспансивная, в практической жизни порой детски наивная, он делал на этой почве неожиданные скачки в линии своего политического поведения. В этом отношении особенно показательной представляется его деятельность последних двух лет жизни.

Мы говорим о его деятельности на Украине. Уехав осенью 1917 г. на Украину, в свое имение в Лохвицком у. Полтавской губ., он получил предложение и принял портфель секретаря (министра) финансов при Украинской Раде. Проведя такую резкую и светлую борозду на почве создания русской культуры, не обнаруживая до сих пор никаких сепаратистских украинофильских устремлений, он вошел в сотрудничество с явными сепаратистами, которые стояли во главе Украинской Рады. Повидимому, М. И. не хотел обращать внимания на это обстоятельство, как бы не замечал его. По крайней мере весной 1918 г., когда Рада была свергнута, и М. И. выехал оттуда в Москву, он говорил нам в последней личной беседе, что он чужд сепаратизма, что сепаратизма в украинском движении даже вообще нет.

Однако, сепаратизм этот несомненно был, и М. И., повидимому, несколько изменил свои взгляды по национально-политическому, в частности украинскому вопросу. Вернувшись летом 1918 г. на Украину, он, правда, стал в стороне от правительства, в то время гетмана Скоропадского. Он принял лишь самое живое участие в общественном и, в частности, в украинофильском движении, заняв в нем быстро виднейшее место [1]).

---

[1]) См. «Украинска кооперация» за 1918 г., №№ 1—9; «Кооперативный кредит» 1919, № 3—4,

Он стал профессором Киевского университета и деканом его юридического факультета. Он был избран членом Украинской академии наук, где при его усилиях был образован особый отдел социальных наук. Он стал председателем Центрального Кооперативного Украинского Комитета, Украинского научного общества экономистов и редактором журнала «Украинска Кооперация». Третий украинско-кооперативный съезд избрал его своим председателем.

Этот период деятельности М. И. пока еще нам мало известен и мало понятен. Поскольку и на Украине М. И. продолжал свою научно-идеологическую работу и свою общественно-педагогическую и кооперативную деятельность — постольку он продолжал дело всей своей жизни. Культурные ценности всегда создаются в атмосфере той или иной национальности. Но будучи созданы, они имеют сверх-национальное значение. И нет ничего странного, что М. И. продолжал свою культурную миссию на Украине.

Но в какой мере он изменил, изменил ли радикально свои воззрения по национально-политическому вопросу и действительно-ли стал в ряды украинских сепарати-

---

«Видання Киевск. кред. союзу»; «Вистник Роменськаго союзу кредитовых кооперативив». 1919, № 6—7.

стов? По имеющимся у нас данным от ближайших учеников и сотрудников М. И. на Украине мы можем достаточно определенно утверждать, что этого не было. Еще за много лет до рассматриваемого времени, отвечая на вопросы «Украинской жизни», М. И. заявил, что не считает себя совершенно чужим украинскому народу и с юных лет и на университетской скамье считал себя украинским патриотом. Но далее М. И. признается, что позднее охладел к украинскому движению и стал сознавать себя скорей «вообще россиянином». Однако, сознавая себя «россиянином», М. И. тем не менее уже тогда стоял на точке зрения широкой автономии Украины при условии безусловного сохранения связи со всей остальной Россией. Так думал М. И. за 7—8 лет до революции и своего глубокого участия в украинском движении [1]). В принципе эту основную точку зрения М. И. сохранил и в рассматриваемый период. Влияние времени и развивавшихся кругом сепаратистских идей отразилось на нем лишь в том отношении, что он несколько решительнее и количественно шире формулирует права автономной Украины. В статье «Федералізм і державній суверенітет» [2]) он высказывается, например, в том смысле, что от-

[1]) См. Украінска кооперація, 1919 рік., кн. 2. Статьи, посвящен. М. И. Туган-Барановскому.

[2]) См. «Нова Рада» 1917 р., ч. 168.

дельные штаты Российской Федерации, в том числе и Украина, являются такими же обладателями суверенитета, как и все федеративное целое. Но расширяя так понятие автономии Украины и так широко толкуя принцип федерации, М. И. все же остается федералистом, а не сепаратистом. Как известно, он даже оффициально вступил на Украине в состав партии украинских социалистов-федералистов. Вот почему мы можем утверждать, что М. И. до конца дней своих был чужд идеи сепаратизма и самостийности.

Быть может, М. И. не отдавал и не хотел отдавать себе достаточного отчета в возможных результатах крайних течений украинского движения, с которым он сотрудничал. Но одно несомненно: его участие в украинском движении диктовалось не лозунгами крайних течений, а лозунгами неизмеримо более умеренными, фактическим состоянием распада России в то время и экспансивной впечатлительностью его натуры, его жаждой активного участия в общественной жизни, при отсутствии качеств политического вождя.

Украинский период жизни и деятельности М. И. можно расценивать различно, и его будут расценивать различно. Однако, на общем фоне его научно-идеологической и общественной деятельности, при беспристрастном и вдумчивом отношении, этот период представится все же только как

«временная вспышка», как «временное увлечение» субъективной натуры.

Все мимолетное умрет и покроется пеплом забвения. Но тем ярче будут гореть искры подлинного вдохновения и творчества, черты своеобразия и одаренности, которыми была так богата личность М. И.; тем значительнее будет представляться нам то научно-идеологическое наследие, которое он оставил для грядущих поколений. М. И. умер. Но память о нем и его духовное влияние не умрет.

ОГЛАВЛЕНИЕ.